1

Николая разбудило негромкое потрескивание — звук, которому неоткуда было взяться в ночном зимнем лесу. Стараясь не потревожить Кузю, уткнувшуюся ему в плечо, Николай осторожно расстегнул молнию на спальнике, сунул ноги в унты и нащупал рукоять туристского топорика. На секунду замер перед застегнутым пологом палатки, вслушиваясь в странные звуки. И отпрянул, не успев выглянуть — металлический звон резко ударил по ушам.

Николай выскочил из палатки, коротко выругался и опустил топорик. На месте потухшего костровища вновь пылал огонь. За костром стояла чертовка; в одной лапе она держала котелок, в другой половник. Оскаленная морда, подсвеченная снизу алыми всполохами, казалась жуткой маской людоедского племени.

Из крайней палатки бесшумно выскользнул Шаман, из средней выглянули Эмили с Макаром. За спиной Николая появилась Кузя, кутающаяся в пуховик. Чертовка оглядела друзей, довольная произведённым эффектом.

— Ну что, не ждали? Рады, небось?

— Век бы тебя не видеть! — ответил за всех Николай.

— А чего ты лыбишься? — недовольно спросил Макар. — Нашла что-то смешное?

— Нет, — ответил чертовка, — просто люблю я это дело.

Она обвела взглядом поляну, на которой стояли палатки, для убедительности крутанув половником.

— Вот это всё — походы, романтику, «изгиб гитары жёлтый», «солнышко лесное»[1]…

— Какой изгиб, какое солнышко?! — не понял Макар.

— Это нашу старушку на ностальгию пробило, — пояснил Николай.

И, повернувшись к чертовке, спросил:

— Тебе что, действительно нравятся барды?

Чертовка презрительно фыркнула.

---

[1] Строки из бардовских песен прошлого века.

— Мне нравятся ваши… хм… скажем так — социальные взаимодействия при пониженном уровне гигиены. Слушали что-то об эффекте пропавшей наследуемости?

— Нет. А что это? — спросила Эмили.

— Не важно, в другой раз объясню.

Макар машинально достал телефон и открыл строку поиска. Экран мигнул и тут же погас.

— В ноль! — Макар с досадой тряхнул телефон. — Не учёл, что на морозе они быстрее разряжаются.

Чертовка уронила в снег котелок и половник, слегка присела и хлопнула себя по мохнатым бёдрам.

— Оппаньки! Так вы и последних новостей не читали?

2

Николай напрягся — если чертовка заявилась в лес среди ночи, значит, ситуация действительно критическая. Хтонь или прорвалась на поверхность, или вот-вот прорвётся.

— Где? — спросил он.

— В Южной Америке, — ответила чертовка, — что вы слышали о ней последний раз?

Манера Бестии заходить издалека всегда раздражала Николая, но он знал, что спорить с чертовкой — себе дороже. Легче ответить.

— Штаты стали активно высылать туда нелегалов, — начал перечислять он, — границу с Мексикой надёжно заперли. Трамп пообещал отжать Панамский канал. Ещё американцы топят венесуэльские суда, заподозренные в наркоторговле, кажется, даже установили блокаду. Грозят нанести ракетные удары по ключевым точкам…

— Уже! — перебила его чертовка. — Уже нанесли. Разбомбили штабы, порт и аэродром. А также высадили десант, захватили президента с женой и увезли в Нью-Йорк.

— Не может быть! — не выдержал Макар. — Это ж надо такое придумать — украсть президента! Ты, подруга, или мухоморов объелась, или плохой фантастики начиталась. В реале такое просто невозможно!

Чертовка презрительно ухмыльнулась.

— И это я слышу от людей, угнавших самолёт с президентом Аргентины![2]

— Так то мы… — начал было Макар.

— Ага, крутыши! — кивнула чертовка. — Но, как выяснилось, Трамп тоже считает себя крутым. Ладно, кончай базар. Сворачивайте лагерь и бегом к ближайшей станции. Жду вас вечером в городе.

Она крутанулась на копытцах и растворилась в воздухе. Николай посмотрел на притихших друзей.

— Никуда от этой чертовки не спрятаться. Вы всё слышали, надо ехать. Кузя, Эмили — на вас завтрак, а мы займёмся палатками. И соберитесь уже, нас снова ждут великие дела.

К железной дороге друзья вышли после полудня; до съёмной питерской квартиры они добрались уже в сумерках. Наскоро разобрав вещи и приняв душ, команда собралась на тесной кухне. Кузя заварила кофе, Эмили нарезала бутербродов. Все то и дело косились на пустой стул, ожидая появления чертовки. За суетой возвращения утреннее напряжение отступило; но теперь оно вернулось с новой силой. Разговор стих сам собой, телефоны и планшеты были забыты. Смотреть там было нечего — новости оказались на удивление скупыми, прогнозы поверхностными, а обсуждения в блогах вообще не стоило читать. Все ждали Бестию — единственный источник, которому они сейчас могли доверять.

3

Чертовка, как всегда, появилась эффектно — сначала хищный оскал, потом пухлые губы, затем всё остальное. Макар привстал с места, даже не дожидаясь её полного проявления.

— Мы летим в Каракас?

— Нет, — ответила Бестия, — небо Венесуэлы закрыто. И море, кстати, тоже.

— Тогда какой у тебя план? — спросил Николай.

Чертовка вальяжно откинулась на спинку стула и, как обычно, начала издалека.

— Вы знаете, что такое Axis mundi?

---

[2] Эта история описана в третьей книге цикла «Хтонь».

— Мировая Ось, — перевела Кузя. — Ось в центре мира, соединяющая Землю с Небесами и Преисподней.

— Правильно, — кивнула чертовка, — а то место на земле, через которое она проходит, называется omphalos. Пуп Земли.

— И где же он, этот пуп? — спросил Макар.

— В том месте, которое в данный момент для тебя важнее всех прочих мест. Австралийские аборигены, приходя на новую стоянку, втыкали в землю шест и ставили вокруг него свои хижины. Для них этот шест и становился центром мира, Мировой осью. А сейчас сильнее всего лихорадит Центральную и Южную Америку, так что ваш omphalos, скорее всего, надо искать там.

— Так мы летим в Америку? — снова не выдержал Макар.

— Не спеши, скорострел, — оборвала его чертовка, — я не спорю — возможно, ваш omphalos сейчас в Каракасе. Или где-то в Буэнос-Айресе — вы же помните, что недавно произошло в Аргентине?[3] Но нас интересует другое место.

— Какое? — спросил Макар.

— Догадайся сам. Мировая ось проходит через омфалос и через центр Земли; а где тогда будет третья точка?

— С другой стороны Земли? — предположил Макар.

— Правильно. А точнее?

— Видимо, где-то в Китае.

— Почти верно — если считать второй точкой геометрический центр шара. А если сакральный центр Земли не совпадает с геометрическим? Если он слегка смещён?

— Тогда, наверное, в Монголии. Или даже где-то в Сибири.

Чертовка растянула губы в довольной улыбке.

— Теплее. Ещё чуть-чуть — и будет совсем горячо. Помните посёлок со странным названием «Тура»?

4

Эмили потянула Макара за рукав.

---

[3] Эта история описана в третьей книге цикла «Хтонь».

— О чём это она?[4]

— Не знаю, — ответил Макар, — по-моему, самое обычное место. Мы летели из Томска, совершили аварийную посадку и заночевали в местной гостинице. Вечером заехали, а утром уже улетели. Мы и сам посёлок видели только из окна автобуса.

— И не заметили там ничего странного? — спросила чертовка.

— Ты об аварийной посадке? Не вижу в ней ничего необычного. Как раз тогда всех пилотов принудительно вакцинировали от ковида, и число таких сбоев резко увеличилось. Всё закономерно.

— А больше никто ничего не заметил? — повторила вопрос чертовка.

— Герб у этого посёлка необычный, — ответил Шаман, — справа на нём Мамонт Сэли, слева Змей Дябдар. Мои психопомпы, проводники в Нижнем Мире.

— А ещё?

— У девушки на ресепшене был странный амулет, ментай, кажется, — вспомнил Николай, — и всё, больше ничего не заметил.

Чертовка шумно вздохнула.

— Хорошо, я напомню. Ночью ты проснулся и вышел на улицу. Мы сидели на скамейке, и я рассказывала тебе про Инферно. А что было у нас за спиной?

— Не знаю, — растерянно ответил Николай, — а какое это имеет значение?

— Церковь там была, — сказала чертовка. — Свято-Троицкий храм, если точнее. А ты правда совсем ничего не почувствовал? Ну почему вы, белковые, все такие толстокожие?!

— Да что я должен был почувствовать?! — вскипел Николай. — Заканчивай уже со своими загадками, говори по делу!

— Хорошо, — согласилась чертовка, — слушайте. Настоятелю этого храма отрезали голову.

Эмили побледнела и подалась вперёд.

— Ты это серьёзно?

---

[4] Эта история описана во второй книге цикла «Хтонь». Эмили о ней не знает, она присоединилась к команде в третьей книге.

— Стала бы я шутить такими вещами.

— Осквернили могилу? — предположил Макар.

Бестия покачала головой.

— Хуже. Когда иеромонаху Григорию отреза́ли голову, он был ещё жив.

— Да не может быть! — закричал Макар. — Что тут вообще происходит?! Мы из своего похода как будто в другую реальность вернулись!

5

Чертовка молча перевернула его планшет экраном вверх. Макар вцепился в него дрожащими руками и углубился в поиск.

— Кто это сделал? — тихо спросил Николай.

— Руслан Люберецкий, — ответил Макар, не отрываясь от экрана, — видимо, одержимый. Но это не его выбор, к этому его вели долго и вполне осознанно. Сначала парня всячески травили одноклассники, потом его призвали. В армии стало совсем невыносимо; прослужив три месяца Руслан дезертировал и подался в тайгу. Там он окончательно тронулся умом; решил, что Кришна требует от него кровавой жертвы. Ночью пришёл к отцу Григорию и отрезал ему голову. Затем принёс голову в храм, обнёс вокруг аналоя и положил… не понял — то ли на престол, то ли на антиминс.

— На престол, — сказал Николай, — антиминс – это священное покрывало престола.

— Люберецкого судили, признали невменяемым и отправили в спецбольницу, — продолжил Макар. — После выписки он снова ушёл в тайгу, где его растерзал медведь-шатун.

С минуту все молчали, не решаясь заговорить. Наконец Кузя подняла голову и нарушила затянувшуюся паузу.

— Ты хочешь сказать, — обратилась она к Бестии, — что Мировая Ось сейчас вторым концом проходит через алтарь Свято-Троицкого храма?

— Клык не дам, — ответила чертовка, — но вероятность велика. Я считаю, что вы должны вернуться в Туру, поискать там какие-то зацепки. И только после этого заниматься Америкой.

— Что думаете? — спросил Николай, обводя взглядом друзей. — Как всегда, единогласно?

До Томска команда долетела на суперджете, Николай даже успел поспать два или три часа. Зато до аэропорта «Горный» пришлось лететь на стареньком транспортнике, и там было уже не до сна. В гостиницу

заселились поздно вечером. Посёлок уже спал, но для верности друзья выждали ещё несколько часов.

К Свято-Троицкому храму они подошли глубокой ночью. Макар подёргал запертую дверь и посмотрел на Шамана.

— Твой выход. Доставай свою разрыв-траву или как там она у тебя называется.

Шаман не ответил; Николай тоже не стал напрасно тратить слова. Он отодвинул Макара плечом и склонился над замком. Несколько минут ушло на подбор подходящей отмычки, и тяжёлая дверь медленно поползла вперёд.

— Ну, можно и так, — сказал Макар.

6

Николай вступил в храм первым, друзья вошли вслед за ним. Шаман закрыл за собой дверь и включил фонарь; остальные тоже достали фонарики и осторожно двинулись вперёд. Подойдя к царским вратам, Николай остановился, не решаясь войти. Макар рванулся было в алтарь, но Кузя остановила его.

— Пусть идёт Полкан. Он всё же иеромонах.

— Бывший, — возразил Николай.

— Не важно. Мы тут вообще не при делах.

Николай распахнул створки и вошёл в алтарь. Пол перед престолом был выскоблен, но окончательно убрать кровавый след со старых досок так и не удалось.

— Что-нибудь нашёл? — нетерпеливо спросил Макар.

— Нет, — ответил Николай.

Убранство алтаря было вполне каноническим, ничего необычного в нём не было. Не зная, что делать, Николай опустился на колени. Припал к полу в низком поклоне — и увидел, наконец, то, чего никак не ожидал найти в этом месте. Небольшой обрывок бумаги торчал из-под ножки престола. Как он туда попал? Когда? Скорее всего, последний раз престол сдвигали, когда смывали с пола кровь настоятеля. Видимо, это послание ждало его здесь с того самого дня.

Николай потянул бумагу за край, и в его руках оказался клочок, размером с пятирублёвую монету. Макар рванулся вперёд, но Кузя вновь удержала его.

— Полкан, что ты творишь?! — не выдержал Макар. — Нам надо приподнять эту тумбу и вытащить страницу целиком, а не рвать её на мелкие кусочки!

— Нет, — твёрдо ответил Николай, — оставайся на месте. Мы больше не потревожим престол.

Он аккуратно оторвал выступающую часть — в несколько приёмов, по самой границе. Теперь и самый пристальный взгляд не смог бы заметить, что под престолом что-то осталось. Николай сунул обрывки в карман и вышел из алтаря, осторожно затворив царские врата. Застегнул карман на молнию и скомандовал:

— Всё, уходим!

Макар хотел что-то возразить, но Кузя молча подтолкнула его к выходу.

7

Через двадцать минут друзья вошли в гостиничный номер и, не раздеваясь, столпились вокруг стола. Шаман включил настольную лампу. Николай достал из кармана первый обрывок, положил его на середину столешницы и расправил. На бумаге был фрагмент какой-то разграфлённой таблицы на жёлтом фоне.

— Что это? — спросила Эмили.

Никто не ответил. Николай положил рядом второй обрывок.

— Крупный шрифт, — сказала Кузя, — и бумага хорошая. Видимо, это из детской книжки.

— «Где-то в глубине необъятного североамериканского мате…», — прочитал Макар, — кажется, я знаю, откуда это.

Он вбил слова в строку поиска и вслух зачитал ответ:

— «Где-то в глубине необъятного североамериканского материка, окруженная обширной пустыней и кольцом неприступных гор, лежала Волшебная страна». Александр Волков «Урфин Джюс и его деревянные солдаты».

— Тогда здесь, — Макар указал на первый обрывок, — часть рисунка. Дорога, вымощенная жёлтым кирпичом. Но как это нам поможет?

— И при чём тут Северная Америка? — спросил Шаман. — Мы ведь собирались в Южную?

— Это как раз понятно, — ответила Эмили, — «Волшебник изумрудного города» Волкова — русскоязычная адаптация «Удивительного

волшебника из страны Оз» Лаймена Фрэнка Баума. Но в первоисточнике ничего не говорилось про местоположение страны Оз. Волков, видимо, считал, что ураган, подхвативший домик в Техасе, должен был начаться и закончиться в пределах «аллеи торнадо»[5], то есть именно «в глубине североамериканского материка». Но если домик перенёс тропический циклон, то, скорее всего, он должен был приземлиться где-то в Мезоамерике.

— У Волкова был именно ураган, — сказал Макар, не отрываясь от экрана, — кстати, если верить интернету, в русском языке это слово появилось совсем недавно, в начале девятнадцатого века. И произошло оно от испанского huracan. Знаете, что оно значит?

Кузя недовольно поморщилась.

— Не прикидывайся эрудитом, читай дальше.

— Хуракан — Сердце Небес, — прочитал Макар, — триединый верховный бог майя, он же бог ветров. Как вам такое?

— Значит, всё-таки Мезоамерика, — сказала Кузя.

— И где эта прекрасная страна? —спросил Шаман.

Макар про Мезоамерику тоже ничего не знал, но спрашивать не стал, полез, как всегда, в телефон.

— Южная Мексика, Гватемала, Белиз, Сальвадор, западный Гондурас, тихоокеанская низменность Никарагуа и северо-запад Коста-Рики, — прочитал он.

— Там, где когда-то процветали цивилизации майя и ацтеков, — добавила Эмили.

— Точно, — подтвердил Макар, прокручивая текст на экране, — а также ольмеков, тольтеков и прочих чучмеков; пардон, чичимеков.

— Всё это очень интересно, — сказал Николай, — но нам-то что с того?

8

Макар пожал плечами.

— Видимо, надо найти в этой Мезоамерике дорогу, вымощенную жёлтым кирпичом, и пройти по ней до конца. До самого́ Великого и Ужасного — Оза или Гудвина, как получится.

---

[5] «Аллея торнадо» — территория между Скалистыми горами и горной системой Аппалачи. Охватывает север Техаса, Оклахому, Канзас, Небраску, Южную Дакоту и восточные районы Колорадо.

— Вряд ли, — покачал головой Николай, — это было бы слишком просто.

— И замечательно! — ответил Макар. — Ты что, забыл про бритву Оккама? «Не следует множить сущности без необходимости» — вот здесь как раз такой случай.

— Мальчик мой, — снисходительно сказала Кузя, — а скажи, часто ли в наших миссиях соблюдался этот принцип?

Макар мгновенно покраснел; он терпеть не мог, когда его называли мальчиком. И этот снисходительный тон, изредка проскальзывающий в речи старших, страшно его раздражал.

— Не имеет значения! — упрямо возразил он. — Это работающий принцип, и мы должны его придерживаться!

— С какой стати? — удивилась Кузя. — Бритва Оккама — не строгий закон. Это не более чем рекомендация о порядке рассмотрения различных гипотез. Самые простые версии проверяются первыми, и часто первыми же и отбрасываются.

Макар насупился и отошёл от стола. Эмили взяла его за локоть.

— Не злись. Кузя не хотела тебя обидеть, сам же знаешь.

— Но обидела, — ответил Макар. — Эти бумеры… Вечно они накрутят всякого, всё усложнят и запутают. Хотя здесь-то всё яснее некуда! Если Бестия права, и страница книги действительно лежала в омфалосе, то описанная там история должна служить нам руководством к действию! Что тут непонятного?

Он заглянул подруге в глаза и спросил шёпотом:

— Ты-то хоть со мной согласна?

Эмили кивнула.

— Ну и отлично! — сказал Макар. — Пусть эти бумеры думают, что хотят, а мы пойдём своим путём.

Шаман тоже отошёл от стола и уселся в кресло у окна.

— Кстати, чертовка так до сих пор и не появилась, — заметил он.

— А ты ждал, что она зайдёт с нами в церковь? — спросил Макар. — Она же не суицидница, ей шкура дорога.

— Не в церковь, конечно, — согласился Шаман, — Но вот сейчас я бы с удовольствием её послушал. Кажется, мы что-то здесь упускаем.

9

За его спиной раздалось довольное хмыканье — чертовка сидела на подоконнике, покачивая напедикюренными копытцами.

— И давно ты здесь появилась? — спросил Макар.

— Появилась давно, проявилась только что, — ответила Бестия.

— Тогда ты всё слышала. Что думаешь? В Америке есть жёлтая дорога?

— Есть там такая дорога, — неохотно ответила чертовка, — правда, на другом уровне. В Шибальбе, Нижнем мире Мезоамерики. Но ты всё упрощаешь…

— Это ты всё усложняешь! — перебил её Макар. — Если есть дорога — надо идти по ней; таков путь!

— Благими намерениями… — фыркнула чертовка.

— Кончай темнить! — завёлся Макар. — Выкладывай, что ты ещё знаешь! Есть там владыка изумрудов?

— Есть такой владыка — мастер из Тольтеката. Но при желании там вообще всё можно найти — если притягивать за уши. Всё, что угодно. И владыку изумрудов, и деревянных людей,[6] и голову-тыкву,[7] и ос-убийц, защищающих крепость.[8] Но ты сейчас пытаешься натянуть не ту сову на не тот глобус.

— Так ведь всё сходится! Как можно этого не замечать? Слепая ты, что ли?!

— Я мудрая, — ответила Бестия, — а вот ты ещё слишком молод. И думаешь не головой, а гормонами. Ты, похоже, уже мысленно обрядил Эмили в платьице Дороти; но поверь — у твоей подруги с ней нет ничего общего. Кроме, разве что, одного — она тоже связалась с безмозглым чучелом…

Договорить чертовка не успела; Макар резко развернулся и отошёл от окна, бормоча под нос какие-то ругательства. Николай с удивлением посмотрел на Бестию.

— Из всех полемических приёмов ты выбрала самый провальный. Теперь Макара не переубедить — хоть кол на голове теши, как говорят ваши вампиры. Но ты же не будешь нам врать, что сделала это не специально? Не с твоим тысячелетним опытом…

---

[6] Отсылка к дуболомам из второй книги Волкова о Волшебной стране.
[7] Отсылка к Тыквоголовому Джеку из второй книги Баума о стране Оз.
[8] Отсылка к эпизоду из первых книг Баума и Волкова.

Чертовка надула щёки и отвернулась.

— Обидеть девушку может каждый! Особенно — напоминанием о возрасте.

— Ещё лучше! — сказал Николай. — В ответ на любой неудобный вопрос вставать в позу и разыгрывать оскорблённую невинность. Не вы, кстати, научили этому наши вечно обиженные меньшинства?

— Нет, — ответила чертовка, — мы бы до такого вовек не додумались. Но у них же отлично получается — так почему бы и не попробовать?

10

Николай спрятал в бумажник обрывки страницы и выключил настольную лампу.

— А ты что думаешь? — спросила у него Кузя.

— Жёлтая дорога — это похоже на прямое указание, которое нельзя игнорировать. Но страна Оз… бред какой-то. Насколько я помню, самый крупный изумруд был не у Гудвина, не у Оза и не у какого-то местного владыки. Он был в короне Люцифера — и выпал из неё, когда того низвергли с небес. По легенде, именно из этого камня выточили святой Грааль. Если это правда, изумрудный след надо искать в Европе.

— Это неправда, — отозвалась чертовка, — изумруд из короны светоносного упал в Южной Америке. Точнее — в Перу, возле селения Манта, о чём свидетельствовал почтенный Педро де Сьеса де Леон.[9] И этот изумруд, кстати, до сих пор не нашли.

— Тебе-то откуда знать? — спросил Николай.

— Изучайте матчасть, — ответила чертовка, — узнаете много интересного.

— Нам сейчас не до интересного, нам бы хоть что-то полезное узнать, — сказала Кузя, — может, просветишь?

— Скажи хотя бы — куда нам лететь? — поддержала подругу Эмили.

Чертовка помедлила, как бы сомневаясь, стоит ли говорить об этом.

— Вам надо найти дорогу.

— Да, жёлтую, мы знаем, — нетерпеливо сказала Эмили.

---

[9] Педро де Сьеса де Леон «Хроника Перу».

— Нет, — покачала головой чертовка, — не эту. Новую, строящуюся. Вы слышали о гробнице Тамерлана?

Эмили кивнула.

— Да, это известная история. Археологи вскрыли гробницу Тимура двадцатого июня, а через два дня, в ночь на двадцать второе, Германия напала на Советский Союз.

Николай мрачно посмотрел на чертовку.

— Ты хочешь сказать, что латиносы кого-то потревожили? — спросил он. — Кого-то серьёзного?

Та пожала мохнатыми плечами.

— Хтонь просто так не поднимается.

— Но я ни о чём подобном не читал, — сказал Николай.

— Значит, ты, наконец, получил ответ на старый философский вопрос: «Слышен ли звук падающего дерева в лесу, если рядом никого нет?»

11

После короткого сна Кузя и Николай вышли из гостиницы. Стоило осмотреть этот странный посёлок; не зря же судьба занесла их сюда уже второй раз. Вскоре они оказались на берегу Нижней Тунгуски и, не сговариваясь, остановились. Посёлок лежал на плоской, как стол, равнине; зато на другом берегу возвышались серые каменные громады, куда, казалось, ещё не ступала нога человека.

— Ты заметила герб в вестибюле гостиницы? — спросил Николай.

— Да, герб очень оригинальный, — ответила Кузя, — Шаман от него в полном восторге. И название у посёлка необычное. Тура — это же Тенгри, верховный небесный бог у чувашей. Творец мира, владелец молота молний. Как-то неожиданно всё сошлось здесь; похоже, чертовка права насчёт омфалоса.

Николай хотел ответить, но не успел — зазвонил мобильник. Эмили просила вернуться, поиск в интернете дал результат. Через пятнадцать минут друзья вновь собрались в гостиничном номере.

— Дорог в Южной Америке строится много, — начал Макар, — и там происходит много интересного. Но особое внимание мы обратили на трассу CA9 в Гватемале. На ней начались работы по спрямлению дороги в районе Текулутана, но они почти сразу остановились. Погодные аномалии, странные

сбои в работе техники, несчастные случаи — типичное «про́клятое место». Похоже, это то, что мы ищем.

— Насколько плотно заселён этот район? — спросил Николай.

— Разве что дикими обезьянами. Проблемный участок проходит через национальный парк Сьерра Де Лас Минас.

Чертовка подняла лапы, показывая сразу два больших пальца.

— Мне это нравится! В тех лесах, по преданию, были изумрудные копи. Испанцы пытались найти их, но индейцы не открыли свои тайны. А теперь, наверное, и они уже всё позабыли.

— Значит, решено, — подытожил Николай, — летим в Гватемалу.

Макар привычно уткнулся в свой планшет.

— Завтра с утра нам надо быть в Горном, будет самолёт до Омска. Оттуда в Москву, там постараемся успеть на ночной рейс. С пересадкой в Стамбуле и Панама-Сити полёт займёт меньше суток. Прилетим, переночуем в Гватемале, выспимся. А как оклемаемся, возьмём прокатный джип и вперёд по трассе CA9. Но путь неблизкий, полстраны придётся проехать.

— Принято, — согласился Николай, — для бешеной собаки сто вёрст — не крюк.

— Да там побольше будет, — возразил Макар, — но не суть. Решено, заказываю билеты.

12

Поздним вечером Боинг 737 Панамских авиалиний приземлился в аэропорту Ла-Аурора. Весь следующий день команда посвятила подготовке к будущему путешествию — выбору прокатного джипа и закупке продуктов. Макар торопил друзей — надо было успеть добраться до проблемного участка, пока работы на трассе CA9 не возобновились.

— Надолго этот перерыв? — спросил Николай.

— Как карта ляжет, — ответил Макар, — местные индейцы устроили кипеж; они считают, что строители могут осквернить могилу их предка. Сейчас весь Текулутан штормит, и чем это закончится, пока непонятно.

— А кого потревожили-то? — спросил Николай. — Большого человека?

— Пишут, что там погребён Балам-Кице из дома Кавека, великий вождь индейцев киче, владыка страха перед богом, устроитель жертвоприношений и

прочая, прочая, прочая. Широко жили в те времена, в титулах себе не отказывали.

Наутро гружёный под завязку джип выехал из столицы. И сразу же на заднем сиденье между Эмили и Макаром материализовалась чертовка. Эмили, уже начинающая засыпать, мгновенно оживилась.

— Не думала, что когда-нибудь скажу такое, но сейчас ты весьма кстати. Расскажи, куда мы едем и что хотим там найти.

— А как же ваш хвалёный даркнет? — ехидно спросила чертовка.

— Там только краткий обзор, никакой конкретики. Пишут, что когда-то здесь процветала цивилизация майя, потом её сменили тольтеки. Их ветвь — индейцы киче живут здесь и поныне; именно они сейчас остановили работы на трассе. Но это — общие слова, ничего полезного оттуда не извлечь. Католики хорошо зачистили эту древнюю культуру.

Кузя, сидевшая на переднем сидении, возмущённо фыркнула и повернулась к Эмили.

— Церковь боролась с человеческими жертвоприношениями! И для этого ей пришлось зачистить всё с ними связанное. Не суди о том, чего не понимаешь!

Макар поднял руки в примирительном жесте.

— Что было, то было; теперь поздно пить боржоми. Но в результате у нас большие пробелы в понимании здешнего Нижнего мира. Беся, вся надежда на тебя; расскажи нам, что ты об этом знаешь.

Чертовка приосанилась, надула щёки и откинула назад выбеленные дреды.

— Я много чего знаю.

— Так у нас и путь неблизкий. Не тяни, начинай уже.

И чертовка начала свой ликбез.[10]

— Шибальба[11] тольтеков подобна всем Нижним мирам, но, конечно, имеет и свою региональную специфику. В этом мире девять уровней, и на каждом свой дом пыток. Дом мрака — Кекума-Ха, Дом холода — Шушулим-Ха, Дом ягуаров — Балами-Ха, Дом летучих мышей — Цоци-Ха, Дом ножей

---

[10] «Ликвидация безграмотности» — сокращение, популярное в первые годы Советской власти.

[11] Здесь и далее имена и названия сверены по эпосу «Пополь-Вух» в переводе Р.В.Кинжалова.

— Чайим-Ха, Дом пламени… чем дальше, тем интереснее. Но как бы всё ни сложилось, вряд ли вы опуститесь ниже третьего уровня.

Живой человек может попасть в Шибальбу лишь из определённого места; только там можно получить приглашение от владык Преисподней. Его должны принести филины-посланники, чьи имена Чаби-Тукур, Хурукан-Тукур, Какиш-Тукур и Холом-Тукур…

— Не части, — перебил чертовку Макар, — лучше скажи — хоть кто-то из сошедших в Шибальбу смог вернуться назад?

13

Чертовка нахмурилась, недовольная тем, что её прервали. Но возмущаться не стала.

— Да, — кивнула она, — такое было однажды.

— Дай угадаю, — сказал Макар, — наверняка этот счастливчик был плодом непорочного зачатия? Так? В детстве его пытались убить, но он чудом избежал смерти; он странствовал и совершал чудеса, а потом был казнён, добровольно спустился в Преисподнюю, сокрушил ад и вознёсся на небеса? «Смерть, где твоё жало»; вот это всё?

— Именно так, — подтвердила чертовка, — нетрудно было догадаться, да?

Макар не ответил, слова застряли у него в горле.

— Оппаньки! — воскликнула чертовка. — Не верю своим ушам! У нашего шутника впервые пропало желание шутить?

— Не отвлекайся, — попросила её Эмили, — нам сейчас не до смеха. Там действительно всё так и было?

— Почти, — ответила чертовка, — только в той истории, которую вспомнил Макар, герой был один. А в этой в Шибальбу сошли братья, два божественных близнеца — Хун-Ахпу и Шбаланке. Они убили предводителя владык Шибальбы Хуна-Каме и его помощника Вукуба-Каме, а остальных владык лишили могущества. С тех пор Шибальба не властна над детьми света; в её власти остались лишь грешники — убийцы, предатели, любители пороков, искатели раздоров и носители печалей.

— Расскажи нам про божественных близнецов, — попросила Эмили, — возможно, нам придётся повторить их путь.

— Это долгая история, — сказала чертовка, — и началась она с того, что филины-посланцы призвали в Шибальбу двух других близнецов — Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу. Для призванных всё кончилось плохо —

владыки Шибальбы обманули их, запугали и убили. Голову Хун-Хун-Ахпу отсекли и повесили на тыквенное дерево[12], где она превратилась в тыквенный плод.

Однажды к этому дереву подошла юная Шкик, дочь Кучумакика, одного из владык Шибальбы. Тогда череп Хун-Хун-Ахпу ожил и заговорил с ней. Шкик протянула к нему руку, и череп капнул слюной ей в ладонь; так совершилось её непорочное зачатие.

А через шесть месяцев Кучумакик увидел, что его дочь беременна. Он приказал филинам увести её в лес, убить и принести ему её сердце в тыквенном сосуде. Но Шкик убедила филинов в своей непорочности, и они согласились оставить ей жизнь. Девушка надрезала кору красного дерева кошенили и собрала его сок в сосуд; алый сок тут же сгустился в форме сердца. Этот сгусток владыки Шибальбы торжественно сожгли; а Шкик поднялась наверх, в Срединный мир. Она пришла в дом Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу — братьев, убитых в Шибальбе. Там она родила и вырастила своих детей, божественных близнецов Хун-Ахпу и Шбаланке. В младенчестве их дважды пытались убить, но они чудом избежали смерти. Возмужав, братья отправились странствовать; подобно греческим героям, они уничтожали хтонических чудовищ, очищая Срединный мир от наследия тёмных веков. Первым от их рук пал надменный Вукуб-Какиш, объявивший себя солнцем мира; птица с серебряными глазами, алмазными зубами и изумрудными перьями. Затем пришла очередь его сыновей Сипакны и Кабракана — титанов, двигающих горы и заставляющих землю дрожать. Закончив свои земные дела, братья сошли в Шибальбу, где их убили. Но божественные близнецы воскресли, сокрушили ад и вознеслись на небо.

14

Николай надеялся дослушать историю чертовки на привале, у ночного костра; но поездка по неровной дороге так вымотала его друзей, что те предпочли поскорее разойтись по палаткам. Рассказ пришлось отложить до утра.

На следующий день, наскоро собравшись, друзья расселись по местам и джип продолжил путь. Трасса всё дальше углублялась в национальный парк, и с каждым километром росла напряжённость — непроговариваемая, но явно ощущаемая. Чертовка вновь материализовалась на заднем сиденье; в этот раз она не захотела углубляться в исторические дебри и сразу перешла к конкретным наставлениям.

---

[12] Калебасовое дерево.

— В этих краях путь в Шибальбу лежит через любую пещеру или расщелину, уходящую в земную глубь. Подойдут и заброшенные изумрудные копи. Только в таких местах могут появиться филины-посланники с приглашением от владык Нижнего мира. Если вы примете это приглашение, перед вами разойдутся утёсы Нусиван-Куль и Кусиван, отворяя врата Преисподней. Затем вам надо будет переправиться через реку крови и реку мёртвой воды; пить из неё нельзя, как бы не мучала вас жажда. Пройдя дальше, вы попадёте на перекрёсток четырёх дорог, где растёт мукче — Мировое Древо, сине-зелёная сейба. Выбирайте чёрную дорогу, она приведёт вас на первый уровень Шибальбы. Там начнутся ваши испытания, и лучше бы вам быть к ним готовыми.

— Подъезжаем, — прервал чертовку Макар, — смотрите по сторонам, где-то здесь должны быть следы строительных работ. Связь, кстати, уже умерла. Хорошо, что хоть навигатор работает.

Николай сбавил скорость, и через пять минут на обочине дороги показались мобильные жилые модули строительной компании. Людей, как и ожидалось, там не было. Джип свернул на расчищенную площадку, и Николай заглушил мотор.

Лагерь разбили там же, и через час друзья уже сидели за раскладным столиком. Девушки раздали миски с едой. Все разговоры тут же прекратились, слышалось лишь металлическое позвякивание ложек. После кофе Николай провёл последний инструктаж.

— Делим сельву на сектора и последовательно прочёсываем всю местность вокруг этого участка. Поскольку связь не работает, действуем в режиме максимальной осторожности. В одиночку в лес не выходим, только парами или тройками. Ищем пещеры, разломы, копи, заброшенные колодцы — любые проходы, ведущие под землю. Как только найдёте что-то похожее, отмечайте геолокацию и сразу же возвращайтесь в лагерь — ждать остальных. Ни в коем случае не обследуйте проходы самостоятельно! Всем понятно? Тогда первое задание.

Он вывел карту на экран планшета и очертил два ближайших сектора.

— Первый выход — обзорный, обходим участок и возвращаемся. Сбор в лагере через час. Вопросы?

15

Через два дня все немного освоились в сельве и группы стали выходить на дальние маршруты. В одном из таких рейдов и случилось ожидаемое — как всегда, неожиданно. Эмили шагнула в проход между кустами и вскрикнула, почувствовав, что нога проваливается в пустоту. Макар успел

подхватить её; на секунду они застыли, вглядываясь в зияющую дыру. Затем Макар вынул мачете и расчистил проход под землю. Эмили отметила локацию на навигаторе.

— Возвращаемся? — спросила она.

— Подожди, — ответил Макар, — давай посмотрим, что там внизу.

— Но Полкан же запретил…

Макар упрямо тряхнул головой.

— Эти бумеры вечно всё запрещают! Что с нами может случиться, если мы спустимся на несколько метров?

Эмили всё ещё колебалась, и он продолжил:

— Это же настоящие копи! А вдруг там, внизу, можно найти изумруд? Тебе ведь ещё никто не дарил изумрудов?

— Никто, — улыбнулась Эмили.

— Значит, я буду у тебя первым!

Макар взял подругу за руку и начал медленно спускаться по каменным ступеням. Эмили молча последовала за ним. Через минуту они уже стояли на неровной каменной площадке.

— Всё, теперь можем возвращаться, — нетерпеливо сказала Эмили.

Ответить Макар не успел — раздался шум крыльев и что-то тёмное опустилось на скалистый выступ рядом с ним. Он вскинул фонарь и увидел в пятне света большого филина.

— Ух-ух-ух! — сказал филин утробным голосом. — В глаза не свети!

— Э-э… — только и смог вымолвить Макар.

Он опустил фонарь и огляделся. Четыре филина окружали их с четырёх сторон.

— Вы посланники Шибальбы? — спросила Эмили.

— Воистину! — ответил филин. — Владыки приглашают вас сыграть с ними в мяч.

Эмили церемонно поклонилась.

— Это большая честь для нас. Но сначала нам надо вернуться в свой лагерь, предупредить наших друзей…

— Нет! — отрезал филин. — Или вы идёте сейчас, или врата никогда больше не откроются перед вами!

— Но наши друзья…

— Мы отправим к ним вестника, — сказал филин. — Решайтесь — да или нет. Другой возможности не будет!

— Мы согласны, — ответил Макар.

16

Эмили удивлённо посмотрела на него, но ничего не сказала. Затем перевела взгляд на филина.

— Кто из вас будет вестником?

— Не из нас, — возразил тот, — вот ваш посланник.

Он указал крылом на каменные ступени. Макар направил туда луч фонаря, но ничего не увидел.

— Там же никого нет!

— Смотри внимательнее.

Эмили и Макар склонились над ступенями.

— Это же муравей! — воскликнула Эмили. — Он до нашего лагеря и за год не добежит!

Филин чуть приподнял крылья, как будто пожимая плечами.

— Мы своё обещание выполнили — послали вестника. А о сроках мы не договаривались.

— Но он не может быть вестником, его никто даже не услышит!

— Его услышат, — возразил филин, — среди вас есть та, кто и услышит, и поймёт. Всё честно.

Он взмахнул крылом, и каменная стена разошлась, открывая проход в Нижний мир.

— Нусиван-Куль и Кусиван, — вспомнил Макар.

Он виновато посмотрел на подругу.

— Глупо, конечно, получилось. Но теперь уж ничего не поделаешь. Надо идти, иначе врата закроются окончательно, и тогда никто не сможет ничего исправить.

Эмили кивнула и шагнула в проход, Макар поспешил за ней. Нусиван-Куль и Кусиван с грохотом сомкнулись за их спинами. Узкая тропа вела под уклон, и друзья двинулись по ней. Вскоре они вышли на берег багровой реки.

— Кровь, — сказал Макар, — вряд ли она опасна. Можно перейти вброд.

Эмили передёрнуло от отвращения.

— Даже пробовать не хочу! Пойдём вдоль берега, может, что-то найдём.

И действительно, ниже по течению река разливалась, обнажая каменистый порог. Макар прикинул — одинокие валуны стояли плотной цепочкой; можно было перебраться на другой берег, перепрыгивая с одного на другой. Есть риск сорваться; но другого пути всё равно нет. Он остановился и спросил:

— Попробуем?

Эмили кивнула.

— Тогда я первый, — сказал Макар и, не дожидаясь ответа, прыгнул на ближайший камень.

В пять минут они пересекли багровую реку. Последний прыжок Эмили вышел неудачным, и она чуть не опрокинулась в бурлящую кровавую пену. Макар удержал её в последний момент. Отдышавшись, друзья продолжили свой путь.

Карта маршрута, описанная Бестией, оказалась удивительно точной. Поэтому, подойдя к следующей реке, они не сомневались — вода в ней мёртвая, и проверять это не стоит. Трава у берегов высохла и потемнела, кроны мёртвых деревьев на фоне желтоватого неба напоминали офорт безумного художника.

По счастью, одно из сломанных деревьев упало так удачно, что могло служить мостом на другой берег.

— Я же говорил, что в омфалосе была ссылка на страну Оз! — воскликнул Макар. — Всё ведь сходится!

17

Муравей, отправленный вестником в лагерь у дороги, медленно полз по каменной ступеньке. Не его было дело, сколько времени займёт путь, и имеет ли смысл такое путешествие; ему дали задание, и он его выполнял. Внезапно на его пути появилась жаба Тамасул.

— Куда ты так спешишь? — спросила она.

— Посланцы Шибальбы поручили мне передать весть людям в лагере у дороги, — ответил муравей.

— Боюсь, они состарятся прежде, чем ты доберёшься до них, — засмеялась жаба, — давай я проглочу тебя и поскачу к людям, так будет гораздо быстрее.

Муравей согласился. Жаба проглотила его и запрыгала к выходу из шахты. Там её встретил змей Сакикас.

— Куда ты так спешишь? — спросил он.

— Несу в своём животе весть людям в лагере у дороги, — ответила жаба.

— Долго же тебе придётся скакать, — сказал змей, — давай я проглочу тебя и поползу к людям, так будет гораздо быстрее.

Жаба согласилась. Сакикас проглотил её и пополз сквозь заросли. Сокол Вак, круживший в небе, заметил змея и спустился на землю.

— Куда ты так спешишь? — спросил он.

— Несу в своём животе весть людям в лагере у дороги, — ответил змей.

— Не успеешь, — сказал сокол, — до лагеря ещё очень далеко. Давай я проглочу тебя и полечу к людям; я буду там уже через минуту.

Змей согласился. Вак проглотил его и взмыл в небо. Через минуту он уже сидел на раскладном столике возле палаток. Николай поднял палку, чтобы прогнать сокола, но чертовка остановила его.

— Ты хочешь что-то сказать нам? — спросила она сокола.

В ответ тот изрыгнул змея, взмахнул крыльями и скрылся в облаках.

— Значит, будешь говорить ты? — спросила чертовка змея.

Но тот лишь изрыгнул жабу и уполз в кусты.

— Всё интереснее и интереснее, — сказала Бестия. — Ну, давай, послушаем тебя.

Но промолчала и жаба; изрыгнула муравья и ускакала прочь. Тогда чертовка посадила муравья себе в ухо и стала слушать.

— Что он говорит?! — не выдержала Кузя.

— Всё плохо, — ответила Бестия. — Наши юные дарования нарушили запрет и спустились в копи. Они уже прошли сквозь врата и сейчас направляются к перекрёстку цветных дорог. А, зная Макара, я готова поставить свой хвост против гнилого кукурузного початка — этот упрямец непременно выберет жёлтую дорогу. Дорогу смерти.

Кузя вскочила с места.

— Надо спасать ребят!

— Надо, — согласилась чертовка.

Она вынула муравья и протянула его Кузе.

— Посади этого красавца себе в ухо, он приведёт вас к нужному месту. А я попытаюсь перехватить наших оболтусов, пока они не попали в ловушку.

18

Пройдя сквозь мёртвый лес, Эмили и Макар оказались на перекрёстке цветных дорог — как и обещала чертовка. В центре перекрёстка росла сейба — сине-зелёное хлопковое дерево; от него в четыре стороны света расходились разноцветные дороги. Чёрная вела на запад, красная на восток, белая на север, жёлтая на юг.

— Выбор очевиден! — сказал Макар. — Идём по жёлтой.

— Но Бестия же говорила о чёрной, — возразила Эмили.

— Она ошиблась! — уверенно сказал Макар. — Вспомни о странице под алтарём — там была жёлтая дорога. Вспомни, как мы переправлялись через те чёртовы реки. Всё сходится. Предсказание сбывается.

Друзья двинулись в путь. В первые часы идти было легко, ничто не предвещало беды. Но постепенно туман над жёлтой дорогой начал сгущался, мёртвые деревья обступали путников всё плотнее. Вдруг Эмили охнула и резко остановилась.

— Что с тобой? — спросил Макар.

Эмили не ответила, но он уже сам увидел, что её так испугало. В стороне от дороги застыла тёмная фигура с поднятыми в замахе руками.

— Дровосек?! — удивился Макар. — Железный дровосек! Значит, я был прав, и всё в той истории было правдой!

— Нет, — ответила фигура, — отнюдь. Просто некоторые настолько упёрты, что продолжают натягивать сову на глобус, хотя бедная птичка давно испустила дух.

— Бестия? — удивилась Эмили, — Это ты?

— А кто же ещё, — ответила чертовка.

Она опустила лапы и подошла к путникам.

— И зачем тебе понадобилась эта пантомима? — спросила Эмили.

Чертовка довольно хмыкнула.

— Чтобы ещё раз показать твоему другу, что своё безмозглое чучело его Дороти уже нашла. Но ведь получилось, да? Ведь повелись?

— А что, по-твоему, мы должны были подумать? — сердито ответил Макар.

— Ты проводишь нас до Изумрудного города? — спросила Эмили.

— Что? — удивилась чертовка. — Ты поверила этому Страшиле? Я же говорила — нет там никакого волшебного города. Эта дорога в никуда.

— В смысле? — спросил Макар. — Она что, кончается тупиком?

— Никто не знает, куда она ведёт, — ответила чертовка, — потому что никто ещё не прошёл по ней до конца. За поворотом путников поджидают демоны дорог — Патан и Шик. Они сжимают сердце человека, пока у того кровь не хлынет горлом. Ещё час пути — и вы попали бы прямо им в лапы.

— И что же нам делать? — спросила Эмили. — Мы можем вернуться обратно в свой лагерь?

Чертовка отрицательно покачала головой.

— Уже нет. Попавшие на перекрёсток цветных дорог должны пройти свой путь до конца. Но вы пошли не туда, в Шибальбу ведёт чёрная дорога.[13]

19

Муравей привёл Кузю с друзьями к копям, где их уже поджидала Бестия. Они спустилась вниз, и филины-посланцы передали людям приглашение от владык Шибальбы.

— Владыки хотят, чтобы мы играли с ними в мяч? — удивился Николай. — Что это за игра такая?

— Правила там простые, — ответила чертовка, — что-то вроде смеси футбола с баскетболом. Надо отправить в кольцо каучуковый мяч — кто

[13] «Одна из этих четырех дорог была красная, другая — черная, третья — белая и последняя — желтая. И черная дорога сказала им: «меня, меня должны вы избрать, потому что я — дорога владыки». Так сказала дорога». Пополь-Вух.

первым забьёт гол, тот и победит. Но если проиграете — вас тут же растерзают.

— Не проиграем, — успокоил её Николай, — в юности я был неплохим футболистом, даже играл за город.

— Не всё так просто, — возразила чертовка, — владыки Шибальбы выходят на эти игры с обсидиановыми ножами. Для вас это всё равно что выйти на хоккей с клюшками против команды с косами. Если не сумеете забросить мяч в первую же минуту, шансов у вас не будет.

— Значит, забросим, — уверенно сказал Николай, хотя сам уже не был в этом уверен.

Друзья прошли сквозь врата, переправились через две реки и подошли к перекрёстку. Под сине-зелёной сейбой сидел Макар; Эмили дремала, положив голову ему на колени. Кузя обняла Эмили и набросилась на Макара с упрёками.

— Чего ты от него хочешь! — усмехнулась Бестия. — Это наверху, в зоне доступа, он может рассуждать, как умный, и вести себя, как взрослый. Можно даже поверить, что он такой и есть. Но без подключения к сети он мгновенно превращается в глупого обиженного ребёнка — непослушного, как все глупые обиженные дети.

— Говори лучше по делу! — вступилась за друга Эмили. — Не думаю, что у нас много времени.

— Это верно, — согласилась чертовка, — мне ещё так много нужно вам рассказать.

Она свернула с чёрной дороги и повела команду на небольшой холм, поросший густым кустарником. С холма открывался отличный вид на место их предстоящих испытаний. Друзья залегли за кустами, не отрывая глаз от легендарной Шибальбы. На площадке перед чёрной хижиной стояли три скамьи. На первой сидели две фигуры, на второй десять; третья стояла поперёк и была пустой. За хижиной виднелось ровное поле для игры в мяч — на это указывали два кольца на противоположных сторонах площадки.

Чертовка повернулась к друзьям.

— Здесь мы расстанемся, мне нельзя общаться со здешними владыками. Дальше вы пойдёте одни и будете рассчитывать только на себя. Запомните главное. Владыки должны вас убить, это уже нельзя изменить. Основной вопрос здесь — как именно. Если вас растерзают по беспределу — это необратимо. Но если вас принесут в жертву — тут уже возможны варианты.

20

Эмили побледнела и едва удержалась, чтобы не вскочить на ноги.

— Что?! Ты предлагаешь нам безропотно умереть?!

— Не мельтеши! — оборвала её чертовка. — Слушай дальше. Когда вы предстанете перед владыками, вас проведут через серию испытаний. Их цель — выбить вас из равновесия, запугать, обессилить, лишить уверенности в себе. Если владыкам это удастся, и они почувствуют вашу слабость или ваш страх — вам конец. Упокоят на месте. Но если вы сумеете достойно пройти все испытания и победить в игре, то вас должны будут принести в жертву. Тогда я попытаюсь вам помочь, и у вас появится шанс.

— А какая разница, как нас прикончат? — спросил Макар.

— Принципиальная, — ответила чертовка, — не прошедших испытания кончают по беспределу, как недостойных. А прошедших — по протоколу, как заслуживших это право. Протокол ограничивает владык, и этими ограничениями можно воспользоваться. Если повезёт, конечно. И если вы пройдёте все испытания.

— Но это всё же возможно? — спросила Кузя.

— Вероятность есть, — уклончиво ответила чертовка, — но вам придётся выложиться полностью.

— Мы готовы! — сказал Макар.

— Не спеши, скорострел, — усмехнулась чертовка, — слушай дальше. Владыки уже знают, что вы прошли через врата, и они подготовились к вашему приходу. Две фигуры на первой скамье — деревянные. Вы должны пройти мимо них, даже не глядя в их сторону. Владыки ждут, что вы поздороваетесь с этими куклами, приняв их за живых. Если бы вы попались на эту удочку, они стали бы насмехаться над вами, почувствовали своё превосходство и убили бы вас — как когда-то убили Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу, предтеч божественных близнецов. Эти бедолаги спустились сюда неподготовленными, за что и поплатились.

— Понятно, — кивнул Макар.

— После этого вы должны подойти к владыкам и поздороваться — с каждым в отдельности. Они уже знают ваши имена и думают, что их имён вы не знаете. В Нижнем мире это огромное преимущество, которым они готовы воспользоваться.

— Но ведь мы действительно не знаем их имён! — не выдержал Макар.

Чертовка нахмурилась и погрозила ему кривым пальцем с острым когтем.

— Не забегай вперёд! Всему своё время. Слушай дальше. После приветствия владыки предложат вам сесть на пустую скамью. Не ведитесь! Эта скамья раскалена, вы непременно обожжётесь и начнёте орать в голос. Владыки будут потешаться над вами — а что дальше, вы уже знаете. Поэтому просто откажитесь, это приемлемый вариант. Тогда вас проводят в Кекума-Ха, Дом мрака. В этом доме вас со всех сторон обступят ваши детские страхи; мало кто способен такое выдержать. Вам дадут по лучине, огонь которой способен разогнать любой страх. Но предупредят, что утром все лучины вы должны будете вернуть целыми — то есть осознанно преодолеть свои страхи. Если не выдержите и спалите лучины — сами знаете, что будет.

Чертовка выдержала драматическую паузу и, не дождавшись ответа, продолжила:

— Если вы выдержите это испытание, утром вас поведут на игру в мяч. А там всё только в ваших руках. Буду держать за вас кулачки. Если останетесь в живых, ночью я постараюсь прийти к вам, и там решим, что делать дальше. Всё понятно?

— Имена, — напомнил Макар, — откуда мы узнаем имена владык?

21

Чертовка закатила глаза и хлопнула себя по мохнатому лбу.

— Ах да, конечно! Сейчас!

Она резко крутанула лапой и поднесла сжатый кулак к морде. Прошептала что-то в кулак и медленно разжала пальцы.

— Знакомьтесь, это москит Шан. Он поможет нам узнать имена владык.

Друзья уставились на раскрытую ладонь Бестии. На ней сидел какой-то мелкий комар, расправляя примятые крылья.

— Лети, Шан, — приказала чертовка, — сделай так, как я просила.

Москит поднялся в воздух и полетел к владыкам. Бестия толкнула Макара в бок.

— А ты достань телефон и включи запись. Память-то дырявая, без своих дивайсов вы уже совсем ни на что не способны!

Владыка, сидевший на краю скамьи, дёрнулся и вскрикнул — видимо, москит долетел до цели и ужалил его.

— Что с тобой, Кучумакик? — спросил его сосед и тут же вскрикнул сам.

— Что с тобой, Шикирипат? — спросил его следующий владыка.

Друзья с удивлением наблюдали за цепной реакцией, пробежавшей по скамье владык, как огонь по бикфордову шнуру:

— Что с тобой, Ах-Альпух? Что с тобой, Ах-Алькана? Что с тобой, Чамиабак? Что с тобой, Чамиахолом? Что с тобой, Патан? Что с тобой, Шик? Что с тобой, Ах-Альмес? Что с тобой, Ах-Альтокоб?

— Записал? — спросила чертовка Макара. — Теперь учите последовательность — так, чтоб от зубов отскакивало. Они сидят согласно своей иерархии и местами не меняются. Так что лица запоминать не нужно; с этим у вас проблем не будет.

— Подожди, — остановила её Кузя, — если не ошибаюсь, Кучумакик — это же дед тех самых божественных близнецов, про которых ты нам рассказывала? Убитых и воскресших, сокрушивших ад и вознёсшихся на небеса?

— Да, он самый, — подтвердила чертовка, — а что тебя удивляет?

— Ты провела нехорошую аналогию… — начала Кузя.

— Не я, а Макар, — возразила чертовка, — но он же пастафарианец, макаронник. Для них нет ничего святого, кроме тефтелей.

— Всё равно это неправильно! — Кузя упрямо наклонила голову. — Я понимаю, что за прошедшие тысячелетия бесчисленные пересказы могут исказить реальную историю до неузнаваемости. Но архетипический стержень в ней должен остаться неизменным! Не может Богородица быть дочерью Князя Преисподней, а божественные Спасители — его внуками!

Чертовка посмотрела на Кузю с сожалением.

— Всегда подозревала, что воины света в глубине души так и остались расистами. Для тебя, похоже, генетическая предрасположенность определяет всё, а свобода воли вообще не имеет значения. Пренебрежение свободой воли — ваше больное место; и, боюсь, вам ещё долго придётся плясать на этих граблях.

22

Наконец все приготовления были закончены, инструкции повторены, имена и титулы владык вызубрены. Чертовка пожелала всем удачи, помахала лапой и растворилась в воздухе. Друзья вернулись на чёрную дорогу и

продолжили спуск в Шибальбу. Когда они подошли к первой скамье, Кучумакик поднял руку в приветственном жесте и сказал:

— Поздоровайтесь с владыками, что сидят перед вами!

— Это не владыки, — ответил Николай, — это просто деревянные куклы.

Друзья гордо прошествовали мимо двух деревянных статуй, а затем поочерёдно прошли мимо скамьи владык, приветствуя каждого по имени.

— Привет тебе, Кучумакик, демон кровотечения.

— Привет тебе, Шикирипат, демон кровотечения.

— Привет тебе, Ах-Альпух, демон гнойных ран.

— Привет тебе, Ах-Алькана, демон гнойных ран.

— Привет тебе, Чамиабак, демон голода, жезлоносец Шибальбы.

— Привет тебе, Чамиахолом, демон голода жезлоносец Шибальбы.

— Привет тебе, Патан, демон дорог.

— Привет тебе, Шик, демон дорог.

— Привет тебе, Ах-Альмес, демон внезапной смерти.

— Привет тебе, Ах-Альтокоб, демон внезапной смерти.

Владыки были озадачены и раздосадованы, они рассчитывали на лёгкую победу. Стараясь не показать разочарования, Кучумакик предложил друзьям сесть на гостевую скамью. Но Николай отказался, сказав: «Это не сидение для нас». И снова владыки были посрамлены и разочарованы.

— Хорошо, — сказал Кучумакик, — завтра мы будем играть с вами в мяч. А пока отдохните в Кекума-Ха, в Доме мрака.

Он привёл друзей в Дом мрака и оставил их там. В полуоткрытую дверь влетел филин Чаби-Тукур, посланник владык. Он раскрыл клюв и выложил перед друзьями пять лучин в каплях свежей смолы.

— Ночью в Доме мрака вы познаете настоящий ужас, — сказал филин, — если он станет совсем нестерпимым, вы можете зажечь свои лучины и прогнать его. Но помните — если утром вы не вернёте лучины целыми, вы будете разорваны на куски прямо в этом Доме. Это будет вашим первым испытанием — сможете ли вы преодолеть свой страх.

Сказав это, филин вылетел наружу. Дверь за ним закрылась, и друзья оказались в полной темноте. Не сговариваясь, все включили свои фонари,

надеясь, что свет разгонит страх. Но надежды оказались напрасными. Страх наползал со всех сторон. Лучи фонарей метались по стенам Дома, ничего не находя и никого не успокаивая. Эмили негромко всхлипнула, прижимаясь к Макару.

— Встаём в круг! — приказал Шаман. — Кладите руки на плечи друг другу, мы должны образовать плотное кольцо. Светим в центр и ни на что не отвлекаемся!

Все встали в круг и сплелись руками. Макар почувствовал, как дрожь, бившая Эмили, постепенно утихает.

— Кажется, отпускает, — неуверенно сказала Кузя.

— Реально отпускает! — подтвердил Макар. — Шаман, ты настоящий монстр!

23

Наутро филин принёс владыкам Шибальбы пять нетронутых лучин. И на этот раз владыкам едва удалось скрыть досаду.

— Чужеземцы, ваша смелость достойна похвалы, — сказал Кучумакик, — но посмотрим, такова ли ваша ловкость. Выходите из Кекума-Ха, сегодня нас ждёт игра в мяч.

Команды вышли на поле. Шикирипат мощным ударом послал каучуковый мяч в кольцо, но промахнулся. Владыки тут же достали свои каменные ножи; счёт пошёл на секунды. Шаман перехватил мяч и отдал пас Николаю; тот с лёта отправил его через всё поле. Мяч пролетел над головами владык, прошёл сквозь кольцо и упал на землю. Вновь владыки были побеждены и посрамлены.

— Вам опять повезло, чужеземцы, — сказал Кучумакик, — но у нас есть для вас новое задание. Сегодня ночью вы будете отдыхать в Шушулим-Ха, в Доме холода, а утром принесёте нам четыре букета в тыквенном сосуде.

— Какие букеты вам нужны? — спросил Николай.

— Букет красного мучита, букет белого мучита, букет жёлтого мучита и букет каринимака, — ответил Кучумакик, — можете делать что угодно, но помните — если вы не справитесь с этим заданием, вам конец.

Филины-посланники проводили друзей в Дом холода и улетели. Макар начал говорить что-то про двух индейцев под одним одеялом, но прервался на полуслове, поняв неуместность шутки. Пол и стены в Шушулим-Ха были покрыты льдом; холод, несовместимый с жизнью, не оставлял никакой

надежды. Через десять минут ледяной пытки друзья были готовы на всё, лишь бы прекратить этот кошмар.

— Выходим, — приказал Николай, — здесь нам не выжить.

Повторять ему не пришлось, все выскочили из Шушулим-Ха в один миг. У входа их уже поджидала чертовка.

— Извини, — сказал Николай, — такое испытание нам не по силам. Никому не выжить в этом ледяном аду.

— Ерунда, — махнула лапой чертовка, — не бери в голову. В вашем задании не было сказано про всю ночь — от звонка до звонка. Наоборот, вам было приказано выйти из Шушулим-Ха до утра и собрать букеты. А сколько времени вы проведёте в Доме холода и когда из него выйдете — это нигде не оговаривалось. Так что пока вы ещё ничего не нарушили.

— Но ничего пока и не исполнили, — сказал Николай, — что это за букеты, где мы должны их собрать и в чём там засада?

— Сад владык недалеко, дойдём за пять минут, — ответила чертовка, — проблема в том, что его охраняют ласточки. Если они заметят вас и поднимут тревогу, владыки тут же нагрянут, и ваше путешествие на этом закончится.

24

Эмили с сомнением посмотрела на Бестию.

— Ты ничего не путаешь? Ласточки же дневные птицы, они не могут летать ночью среди деревьев.

— Верно говоришь, — кивнула чертовка, — они и не летают. По ночам они обходят сад владык дозором, перепрыгивая с ветки на ветку. И постоянно перекликаются при этом — чтобы не кучковаться, но и не слишком отдаляться. Идеальный способ держать постоянную дистанцию, позволяющую не оставлять слепых пятен при обходе границы.

— И что ты предлагаешь? — спросил Николай. — У тебя ведь есть какие-то идеи?

— Есть, конечно, — чертовка опустилась на корточки и когтем начертила на земле грубый план, — мы зайдём с запада. Здесь в саду владык небольшая проплешина, ласточкам приходится вслепую перелетать пустое пространство. Поэтому пароль и отзыв здесь могут немного сдвигаться по времени. Этим мы и воспользуемся.

— Ты предлагаешь вклиниться в цепочку дозорных? — догадался Николай.

— Именно. Каждая двойка дозорных контролирует один сектор. Мы войдём в слепую зону и встроим в охраняемый круг новый сектор — свой. Наша двойка дозорных — Шаман и Кузя будут идти по кругу вместе со всеми ласточками. Остальные будут двигаться в том же темпе, но внутри сектора. Пройдя полный круг, вы сможете собрать все четыре букета и незаметно покинуть сад владык.

Макар с сомнением посмотрел на нарисованную схему.

— Звучит красиво, ничего не скажешь. Но спалимся же! Тут ведь надо не просто знать пароль и отзыв; надо, чтобы ласточки приняли наших крикунов за своих. А я что-то не замечал у Кузи способностей к птичьему пению.

— Всё поправимо! — успокоила его чертовка. — У нас ещё уйма времени. Сейчас мы пойдём к саду владык — слушать ласточек. А потом отойдём подальше и будем тренироваться.

Стараясь не шуметь, друзья подошли к саду, укрылись в густом кустарнике и прислушались к птичьим голосам.

— Шпурпувек! Шпурпувек! — кричал первый дозорный.

— Пугуйю! Пугуйю! — отзывался второй.

Следующие два часа посвятили тренировкам. И лишь когда чертовку удовлетворили голоса Шамана и Кузи, друзья обогнули сад владык с запада и вышли к намеченному месту.

Здесь перекличка дозорных периодически прерывалась; в одну из таких лакун и вклинились Шаман с Кузей. Николай, Макар и Эмили вошли в контролируемый сектор и принялись за работу. Николай и Макар срезали цветы с веток, а Эмили собирала их в сосуд из тыквы. Чертовка шла по внешнему периметру между Шаманом и Кузей, направляя и останавливая движение. Когда полный круг был пройден, она дала команду на выход, и друзья покинули сад владык.

25

Утром филины-посланцы забрали сосуд с четырьмя букетами и отнесли его владыкам Шибальбы. Владыки были в ярости; они снова позвали гостей играть в мяч и снова проиграли.

— Радуйтесь пока, — сказал Кучумакик, — но знайте, от нас вам всё равно не уйти. Эту ночь вы проведёте в Балами-Ха, в доме ягуаров; и если выйдете оттуда живыми, то завтра решится ваша судьба.

Вечером четыре филина проводили друзей в Балами-Ха. Едва дверь дома закрылась, ягуары встали и начали неторопливо сужать живой полукруг. Мужчины шагнули вперёд и обнажили свои мачете; но все понимали, что эта битва безнадёжна. Звери приближались медленно и неотвратимо.

Внезапно перед голодной стаей материализовалась Бестия — и живая волна мгновенно отхлынула. Чертовка оскалилась, слегка присела и широко раскинула когтистые лапы. Из её пасти раздалось рычание вперемежку с какими-то странными словами; впрочем, ягуары, похоже, прекрасно их поняли. Они поджали хвосты и отступили, сбившись в кучу в дальнем углу Балами-Ха.

— Спите спокойно, — сказала чертовка друзьям, — этой ночью вас больше никто не тронет. А мне ещё надо переговорить с филинами.

Она помахала на прощание лапой и растворилась в воздухе. Вновь материализовалась она уже в лесу за игровым полем, где на ветке дремали четыре филина-посланца. Почувствовав появление незнакомки, филины заворочались и приоткрыли жёлтые глаза.

— Привет вам, посланцы Шибальбы, — сказала им чертовка.

— Привет и тебе, странное создание, — ответил за всех Чаби-Тукур, — скажи, зачем ты побеспокоила нас?

— Вы должны кое-что сделать для меня, — ответила чертовка.

— Мы ничего тебе не должны, — возразил Чаби-Тукур, — мы служим лишь владыкам Шибальбы.

— Конечно, — ухмыльнулась Бестия, — а как же иначе. И мне хорошо известно, как именно вы им служите.

Тон чертовки насторожил филинов, и Чаби-Тукур спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Сами знаете, — ответила чертовка. — Помните, как однажды Кучумакик приказал вам убить его беременную дочь и принести владыкам её сердце? Но вы обманули владык и принесли им сгусток сока красного дерева кошенили, а беременную Шкик вывели на поверхность, в Срединный мир. Там она родила божественных близнецов Хун-Ахпу и Шбаланке, которые убили владык Хун-Каме и Вукуба-Каме и сокрушили Шибальбу. Кто же, по-вашему, виноват в том, что владыки потеряли былую власть и былое величие?

Чаби-Тукур растеряно заморгал.

— Это несвязанные события!

— Это очень даже связанные события! — возразила чертовка. — Просто у владык Шибальбы пока не хватило ума их связать. Но если кто-то подскажет им…

— Понятно, — перебил её Чаби-Тукур, — и чего же ты хочешь от нас?

Чертовка растянула рот в довольной улыбке.

— Я знала, что мы договоримся. Слушайте же. Вы привели в Шибальбу пятерых чужеземцев. Завтра владыки принесут их в жертву. Но сначала, по обычаю, они обратятся к вам с вопросом — какой смертью казнить пленников. Если вас спросят, надо ли сжечь их, отвечайте — нет, ибо тогда вы, владыки, будете видеть их лица. Если спросят, надо ли расчленить их, отвечайте — нет, ибо тогда вы, владыки, будете видеть их лица. И так отвечайте на каждый вопрос, пока вас не спросят — надо ли сбросить их со скалы в бурную реку. Тогда отвечайте — да, это хорошая казнь, ибо тогда вы, владыки, не будете видеть их лица.

Филины с минуту посовещались, и Чаби-Тукур ответил за всех:

— Хорошо, мы ответим так, как ты хочешь. А ты забудь навсегда то, что нам сказала.

Чертовка наклонила голову и скорчила удивлённую гримасу.

— А что я вам сказала? Ничего не помню…

26

Когда утром открылись двери Балами-Ха, владыки были удивлены и раздосадованы.

— Вы всё ещё живы?! — воскликнул Кучумакик. — Безумные упрямцы! Но недолго вам осталось гневить владык! Идите же на поле для игры в мяч, сегодня там решится ваша судьба.

На поле владыки окружили друзей плотным кольцом. Николай потянулся к мачете, но рука лишь слабо дрогнула; всё тело будто налилось свинцовой тяжестью. Он скосил глаза на друзей, застывших в странных позах — незримая сила парализовала всех.

Кучумакик вышел вперёд и встал перед Николаем. Впервые за несколько дней он казался довольным; остальные владыки тоже радостно скалились, глядя на пленников.

— Вот и пришёл ваш час! — торжественно объявил он. — Сегодня мы принесём вас в жертву и никогда больше не увидим ваших лиц!

— Сжечь их! — крикнул кто-то в толпе владык.

— Нет, надо повесить их на высоком дереве! — возразили ему.

Кучумакик вскинул руки, призывая владык к молчанию.

— Позовите сюда наших вестников! — приказал он.

В ту же минуту на землю перед ним опустились четыре филина.

— Мир вам, посланники, — приветствовал их Кучумакик, — ответьте, хорошо ли будет сжечь этих пленников?

— Нет, владыка, — ответил Чаби-Тукур, — это будет нехорошо, ибо тогда вы, владыки, будете видеть их лица.

— А хорошо ли будет повесить их на дереве тапаль? — спросил Кучумакик.

— Нет, владыка, — ответил Чаби-Тукур, — это будет нехорошо, ибо тогда вы, владыки, будете видеть их лица.

И так отвечал он на все вопросы, пока Кучумакик не спросил:

— Хорошо ли будет бросить их в стремнину бурной реки?

— Да, — ответил Чаби-Тукур, — это будет хорошая казнь, ибо тогда вы, владыки, не будете видеть их лица.

— Да будет так! — торжественно провозгласил Кучумакик.

Радостно галдя, владыки подняли пленников и понесли их к обрыву.

— Вы долго противились неизбежному, — сказал Кучумакик, — но вы всего лишь смертные. Люди могут состязаться с нами, но им не дано победить Шибальбу. Так было и так будет; а наказание за этот вызов — смерть. Да будет так!

Он махнул рукой, и по этому знаку владыки бросили пленников в бурную воду. Река подхватила и понесла застывшие тела; через минуту они уже скрылись за поворотом.

— И эти туда же, — сказал Кучумакик, — пришли, как все, и ушли, как все.

27

Поток, зажатый между утёсами, стремительно нёсся вперёд. Успокоился он лишь через несколько сот метров, вырвавшись из скалистого плена на плоскую равнину. Не стесняемая ничем, река широко разлилась, образуя обширные отмели. К одной из них и вынесло команду Николая.

К этому времени способность двигаться уже вернулась к друзьям. Шаман встал первым, вслед за ним поднялись и остальные.

— Все целы? — спросил Николай.

— Бок отшиб, — Макар задрал рубаху, показывая обширное багровое пятно, — надеюсь, ничего не сломал.

— Разберёмся, — успокоил его Николай.

Друзья вышли на берег, где возле пирамиды из сухих веток и хвороста их уже ждала чертовка. Она щёлкнула пальцами, и пламя мгновенно охватило пирамиду. Шаман скрылся в лесу и через несколько минут вернулся оттуда с двумя рогатинами и перекладиной; на неё друзья повесили мокрую одежду. Ботинки поставили у огня, и сами расселись вокруг костра.

— Ты не посмотришь, что с Макаром? — попросила чертовку Эмили.

— Всё с ним в порядке, — ответила та, — обычный синяк. Заживёт, как на собаке.

— Откуда ты знаешь?

— Да я таких, как он, насквозь вижу!

Макар недобро посмотрел на чертовку.

— Спасибо, подруга! Успокоила! А теперь скажи — на кой хер нужна была вся эта жесть с пытками и испытаниями? Мы каждый день рисковали здесь жизнью! И что мы выиграли в итоге? Наша победа лишь в том, что мы остались живы. Стоило ради этого лезть под землю?

— Не кипятись, — попросила чертовка, — кое-что вы всё же получили.

— Да! Вот эту синячину!

Макар ткнул себя пальцем в бок и сморщился от боли.

— Не только, — примирительно сказала чертовка, — после принесения вас в жертву вы получили новый статус.

— Вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, — попросил Макар.

— Всё просто. Сейчас владыки Шибальбы считают вас погибшими. Если вы предстанете перед ними, они решат, что вы воскресли. То есть они будут считать вас божественными существами, которые вернулись, чтобы покарать их.

Кузя сразу поняла, к чему клонит Бестия.

— И тогда мы сможет приказать им всё, что угодно? — спросила она.

— Не всё, конечно, — ответила чертовка, — но в разумных пределах. Без фанатизма.

Глаза Кузи хищно сузились.

— Если придумать хороший план и правильно сформулировать приказ, мы ведь можем разом уничтожить всех владык Шибальбы. Представляете? Полная победа добра на одном отдельно взятом континенте!

— Полегче, подруга, — осадила её чертовка, — а ты не думала, почему божественные близнецы в своё время не сделали этого? Хотя они-то точно могли.

Кузя пожала плечами.

— Видимо, кишка у них была тонка. Испугались. Но я не боюсь последствий, я готова идти до конца.

28

Николай осторожно взял Кузю за локоть.

— Кузнечик, я знаю, как ты относишься к своей борьбе. Но в данном случае Беся права — нам надо всего лишь предотвратить прорыв хтони. Мы не должны никого убивать.

— А я должна! — возразила Кузя. — Я присягу давала — уничтожать зло всегда, везде, в любой ситуации, при любых обстоятельствах.

— Мочить в сортире, — подсказал Макар.

Кузя недовольно поморщилась.

— Не ёрничай! Золотое правило небесного воинства — чем меньше зла останется в мире, тем больше в нём будет добра.

— Но это не значит, что нам надо впадать в крайности, — попытался успокоить подругу Николай, — пойми, Беся вела и спасала нас для того, чтобы мы восстановили пошатнувшееся равновесие. А ты хочешь это равновесие уничтожить.

— Да! И что в этом плохого?! В мире, наконец, воцарится добро — что может быть лучше? Или и это какой-то ваш демон запрещает?

— Именно так, — ответил Николай, — запрещает.

— И кто же? — спросила Кузя. — Опять демон Максвелла?

— Нет, Лапласа.

— И что ему не нравится?

— Как бы тебе объяснить… Вот смотри — мы знаем траектории всех планет Солнечной системы, их массы, скорости и прочие параметры. Значит, мы может предсказать, в каком месте будет находиться любая планета через год, через сто лет, да хоть через тысячу. Причём предсказать с абсолютной точностью. Согласна?

Кузя молча кивнула.

— А теперь представь газ в замкнутой системе. Если мы точно знаем все параметры всех его молекул, мы с абсолютной точностью можем предсказать все их будущие скорости и положения.

— А демон Лапласа — это тот, кто знает всё обо всех молекулах газа? — догадалась Кузя.

— Верно. И не только о молекулах в ограниченном пространстве, а обо всех частицах во Вселенной. Но пример с газом в замкнутой системе нагляднее.

— А при чём здесь это?

— Круг общения человека ограничен. Межличностные индивидуальные взаимодействия определяются множеством факторов, и потому их последствия не могут быть предсказаны заранее. Но если победит абсолютное добро — все будут поступать только по законам добра и никак иначе. Поведение будет строго детерминировано, все отношения будут определяться законами не менее формальными, чем физические законы. Соответственно и все последствия будут однозначны и точно предсказуемы.

— И что в этом плохого? — не поняла Кузя. — Ведь все поступки будут добрыми, а последствия благими.

— Да как ты не понимаешь?! — вмешался в разговор Макар. — Это же лишит людей свободы воли! Полностью и окончательно! Если ты мечтаешь о таком мире, то проще уничтожить человечество и заселить Землю роботами, запрограммированными на добро. Результат будет именно такой.

29

Кузя на минуту задумалась, но привычные установки быстро перевесили сомнения. Она упрямо тряхнула головой.

— Демагогия! В мире есть лишь две силы — добро и зло. Если ты не за добро, значит, за зло. Всё просто.

— Так учат ангелы, — возразил Николай, — хотя на самом деле в жизни всё гораздо сложнее. Элизиум и Инферно принимают какие-то решения, но до нас в чистом виде они никогда не доходят. Всё, что здесь

происходит, мультидетерминировано; во всём можно найти сплетение и чёрного, и белого, и случайного. Но главный обман в том, что третья сила всё же есть. Это Кахетон — сила, поддерживающая равновесие. Без неё мир давно бы сорвался в хаос; и не важно, во имя добра или во имя зла.

— И где же она, эта третья сила? — спросила Кузя.

— Это мы, — просто ответил Николай, — я и Макар. Воины равновесия на постоянной, можно сказать, основе. И ситуационно — те, кто помогает нам в наших миссиях. В данный момент это Эмили и Беся, наш демон-хранитель. И очень надеюсь, что вы с Шаманом всё же примкнёте к нам — хотя бы в этот раз. Ставки слишком высоки.

— Мы подумаем, — сказала Кузя.

— Думайте, — согласилась чертовка, — время терпит. Пока у вас не будет общего решения, я никуда вас не поведу. А без меня вы не найдёте дорогу к дому владык Шибальбы.

Эмили потрогала одежду, висящую на перекладине у костра. Ботинки были ещё сырыми, но рубашки, брюки и носки уже высохли, можно было переодеться. В мокрой футболке Макара, доходящей ей до середины бёдер, Эмили чувствовала себя не очень удобно — соски, трущиеся о влажную ткань, проступали слишком откровенно.

Кузя перехватила её взгляд и встала.

— Мальчики, отвернитесь! Девочкам нужно привести себя в порядок.

Сняв сухую одежду с перекладины, Эмили и Кузя отошли от костра.

— Ты не передумала? — спросила Эмили шёпотом.

— Нет, — ответила Кузя, — я ещё ничего не решила.

— По-моему, Полкан говорил очень убедительно, — сказала Эмили, — я с ним согласна.

Кузя резко встряхнула рубашку.

— Он всегда говорит убедительно. Особенно когда эта чертовка что-то ему нашепчет.

— Кузя, — улыбнулась Эмили, — ты что, ревнуешь? К бесполому существу, лишённому даже вторичных половых признаков?

— Да что ты понимаешь, — раздражённо ответила Кузя, — не сексом единым жив человек.

Макар, услышавший обрывок фразы, хотел развернуться и чуть не упал с камня, на котором сидел.

— Что?!

Кузя и Эмили одновременно повернулись к нему и крикнули хором:

— Не подслушивай!

30

Через несколько часов все уже переоделись в сухое. Костёр давно догорел, но идти за дровами никому не хотелось. Хотелось вернуться к владыкам Шибальбы и встретиться с ними — уже в новом качестве. Вот только общее решение так и не было принято, Кузя упрямо стояла на своём.

Макар маялся, не зная, чем заняться. Несколько раз начинал о чём-то рассказывать, но никто не проявил желания поддержать разговор. Наконец, вспомнив что-то, он повернулся к чертовке.

— Беся, а что ты там говорила об эффекте пропавшей наследуемости?

— Когда?

— В первый день, в зимнем лесу. Ты ещё сказала, что тебе нравятся социальные взаимодействия в экстремальных условиях. Те, которые, как ты изящно выразилась, «с пониженным уровнем гигиены».

— Вот ты о чём!

Чертовка порылась в шерсти на груди, достала оттуда очки в толстой оправе и водрузила их на нос. Затем приняла любимую лекторскую позу и стала важно вещать.

— Некоторые любители бинарных оппозиций видят мир в чёрно-белом цвете. И даже если ткнуть их носом во что-то явно аналоговое, они всё равно для описания явления притянут свою любимую шкалу о двух концах. Про наследуемость они скажут — вот эта часть задана генетически, то бишь физически унаследована, а эта часть запрограммирована социально, то бишь задана воспитанием. Сильная наследственность кроет воспитание, как бык овцу; зато при слабой наследственности воспитание может лепить из человека всё, что угодно. Но наследуемость они в любом случае представляют как сумму двух факторов.

— А как считают те, кто не зациклен на бинарности? — спросил Макар.

— Мы, — гордо сказала чертовка, — видим на этой шкале обширную область, не зависящую ни от генетики, ни от воспитания. Эта область и называется «пропавшей».

— От чего же она тогда зависит?

Чертовка сняла очки и стала неторопливо протирать их кончиком хвоста.

— Я бы сказала, но боюсь, что Кузя обидится.

31

Кузя сердито посмотрела на Бестию.

— Я уже обиделась. Так что говори, не стесняйся.

— Хорошо, — чертовка вернула очки на место и продолжила, — вы знаете, какое влияние оказывает на вашу психику ваш микробиом?

— Ты имеешь в виду микробиоту? — спросил Макар. — То, что у нас внутри, в кишках и прочей требухе?

— Не только. Микробиом — это сама микробиота плюс весь генетический материал входящих в неё микроорганизмов.

— Генетический… — задумчиво повторил Макар, — что-то мне это уже не нравится.

— Могу понять, — сочувственно сказала чертовка, — одно дело знать, что какая-то мелочь живёт и здравствует у тебя в кишках. И совсем другое — узнать, что между этой внутрикишечной мелочью и тобой, любимым, идёт постоянный обмен генами. Тот самый горизонтальный перенос, который вы недавно исследовали.[14]

— И что это меняет? — спросил Макар. — Да, я знаю, что наша микробиота заметно влияет на настроение, на мотивацию, на иммунитет и ещё на какие-то процессы, навскидку не скажу. А как влияет — через химию, через гены, или ещё как-нибудь — мне без разницы; главное, влияет. Дальше-то что?

Чертовка удовлетворённо кивнула.

— Я не сомневалась, что про собственную микробиоту вы в курсе. Но вот чего вы не знаете — между людьми нередко происходит непроизвольный обмен микробиомами. Со всеми вытекающими — чужая микробиота

[14] Эта история описана в пятой книге цикла «Хтонь».

начинает обмениваться генами с новым организмом-носителем. В том числе и генами, полученными ею от прежнего носителя.

— Отсюда следует, — чертовка подняла палец, как бы выделяя сказанное, — что присущее всем белковым стремление к единообразию особенно наглядно проявляется там, где обмен микробиомами облегчён. То есть там, где люди живут в не самых гигиеничных условиях. А также между теми, кто постоянно плотно контактирует.

— Кажется, начинаю понимать, — сказал Макар, — пословица «Муж и жена одна сатана» — она об этом?

Чертовка недовольно поморщилась.

— Об этом. Но сатана-то тут при чём? Мы ведь, кажется, договорились не задевать чужих религиозных чувств. Про обмен микробиомами, вернее, про нежелательность такого обмена, есть другая поговорка — «Я с ним на одном поле срать не сяду».

Макар довольно зафыркал.

— Нравится мне ход твоей мысли — от сложного к простому. «Обмен микробиомами» звучит, конечно, научно. Но если называть вещи своими именами, всё сводится к обмену микроскопическими фекальными частицами.

Кузя вскочила, опрокинув сооружённую Шаманом сушилку.

— Всё, хватит! Достали уже со своими анальными теориями! Противно вас слушать!

— «Противно» — это только эстетическая оценка? — поинтересовалась чертовка самым невинным тоном. — Или это ещё и сомнение в достоверности фактов?

— Да пошла ты!

Кузя резко развернулась и зашагала прочь от костровища. Чертовка посмотрела ей вслед и шумно вздохнула.

— Принцессам трудно это принять — ведь, как известно, они не пукают.

32

Пикировки между Кузей и Бестией возникали нередко; правда, обычно они не доходили до прямого противостояния. Николай недовольно посмотрел на чертовку.

— И зачем ты всё это устроила?

— Чтобы вы поняли, наконец, почему вы до сих пор не убили и не покалечили друг друга. Почему вы всё ещё можете о чём-то договориться — хотя ты из Кахетона, а она — воин света.

— Нет, зачем ты преподнесла всё в таком виде? Ты ведь знала, как Кузя на это отреагирует.

Чертовка всплеснула лапами в притворном возмущении.

— Да потому что она ещё не готова ни к каким компромиссам! Ты что, сам не видишь? Мы, конечно, можем её уговорить — но получим лишь поверхностное согласие. А, оказавшись перед владыками, она может взбрыкнуть и выкинуть что угодно! В Элизиуме ей здорово промыли мозги идеей всепобеждающего добра — с кулаками, дубинами и ядрёными бомбами.

Чертовка вскинула голову и продекламировала нараспев:

— Мы за счастье будущих поколений,

Чтобы путь их был прост и ровен,

Всех вас жизни лишим, с голоду поколеем,

А социзм построим.[15]

— Тебя послушать, — вмешался Макар, — так всё, что мы здесь пережили — пустяки, не стоящие внимания. А наше единственное по-настоящему серьёзное дело — переубедить Кузю.

— Если считаешь, что это легко, попробуй сам, — сказала чертовка.

— Ну уж нет! — замахал руками Макар. — Меня, пожалуйста, сюда не впутывайте!

И, чтобы перевести разговор, спросил:

— Лучше скажи — а с чего все так возбудились из-за какой-то старой могилы? Это ведь всего лишь вождь, один из многих — не бог и даже не полубог. А такие волны по всему континенту пошли…

— Ты только в Текулутане не ляпни про «один из многих», — посоветовала чертовка, — тебе тогда владыки Шибальбы пацифистами покажутся. Вожди киче — богатыри, не вы. Они могли заставить море расступиться, чтобы провести через него свой народ.

— Где-то я это уже слышал, — сказал Макар.

---

[15] А.Зиновьев «Зияющие высоты».

— Конечно слышал, — согласилась чертовка, — и о великом смешении языков наверняка слышал. А до этого слышал о жёлтой дороге, владыке изумрудов и великом Хуракане. Помнишь, к чему это чуть не привело? Ты, вроде, неплохой кодер, а мыслишь, как гуманитарий. Аналогии принимаешь за строгие доказательства, тогда как они могут быть лишь иллюстрациями. Да и то не всегда.

— Хорошо, что Кузя тебя не слышит, — сказал Николай, — она бы за гуманитариев вставила тебе по самое не могу.

Чертовка натянула на морду обиженное выражение.

— И эти белковые обвиняют меня в анальных ассоциациях! Меня! Хотя мне-то как раз твоя Кузя при всём желании ничего не сможет вставить — просто некуда.

33

Спать легли на траве, благо ночь была тёплой. Пожалуй, даже слишком тёплой, так что заснуть сразу не получилось. Макар сдул прядь со лба Эмили.

— Как думаешь, о пропавшей наследуемости — это правда? Или Беська всё выдумала?

— Зачем ей что-то выдумывать? — отозвалась Эмили. — Услышала где-то модную теорию и пересказала. А насколько она истинна, уточнят позже. Хотя по пословицам всё сходится. К тому же я читала, что чем дольше пара проживёт вместе до зачатия, тем меньше вероятность токсикоза при беременности.

— Надеюсь, это не намёк? — спросил Макар.

Эмили откинула его шаловливую руку и отодвинулась.

— Не приближайся ко мне, от тебя жар, как от печки. Давай спать.

Когда они проснулись, Кузя и Бестия уже сидели у потухшего кострища, лениво переругиваясь. Чертовка говорила таким тоном, как будто повторяла сказанное как минимум по второму разу.

— Божественные близнецы давно сокрушили Шибальбу, лишили её власти над светлыми душами. Теперь её жертвы лишь грешники — убийцы, предатели и прочий человеческий шлак. Но тебя же устраивает существование христианского ада; так чем Шибальба хуже?

— Мы и ад ликвидируем, дай только срок, — ответила Кузя, — просто сейчас у нас нет на это ресурсов. Но поверь — как только, так сразу. Зато Шибальбу мы можем уничтожить прямо здесь и сейчас.

— Тебе мало того добра, которое вы уже причинили этому несчастному континенту? — спросила чертовка.

— Не понимаю твоей иронии, — ответила Кузя, — да, именно мы принесли сюда добро и гуманизм, запретили кровавые жертвоприношения…

— И так гордились своими деяниями, что даже задокументировали их, — перебила её чертовка.

Она достала откуда-то из-под мышки старинную книгу, раскрыла её на середине и процитировала:

— «Там совершали неслыханные жестокости, отрубая носы, кисти, руки и ноги, груди у женщин, бросая их в глубокие лагуны с привязанными к ногам тыквами, нанося удары шпагой детям, которые не шли так же быстро, как их матери. Если те, которых вели на шейной цепи, ослабевали и не шли, как другие, им отрубали голову посреди других, чтобы не задерживаться, развязывая их… И говорит это Диего де Ланда, что он видел большое дерево около селения, на ветвях которого капитан повесил многих индейских женщин, а на их ногах повесил их собственных детей».[16]

— Это не церковь! — лицо Кузи оставалось таким же упрямым, но голос её слегка дрожал. — Это преступники, алчные убийцы, забывшие святое слово!

— Уверена? — спросила чертовка. — Когда де Ланда расследовал дело об идолопоклонстве, он приказал пытать более четырёх с половиной тысяч индейцев. Более полутора сотен запытали до смерти.[17] С твоей точки зрения это, может быть, и добро; но с позиций равновесия такое добро мало чем отличается от зла.

34

Кузя сцепила пальцы мёртвой хваткой.

— Это не мы, это католики. В то время они понимали свой миссионерский долг слишком… слишком прямолинейно.

Чертовка пожала плечами.

— Ты в теме; для тебя, видимо, это большая разница. Но для меня все вы на одно лицо. Все вы считаете, что несёте в мир добро, и эта благая цель оправдывает любые средства.

Лицо Кузи пошло красными пятнами.

---

[16] Диего де Ланда. «Сообщение о делах в Юкатане».

[17] Комментарий Кнорозова к «Сообщению о делах в Юкатане» Диего де Ланда.

— В чём ты меня обвиняешь?! Лично меня?! Я не отрубала рук и не вешала детей на ногах их матерей!

— В том, что ты неспособна просчитать последствия своих действий дальше, чем на два шага, — ответила чертовка, — для тебя всё просто. Задорно рушим хрупкое равновесие, а когда начинается хаос, разводим руками — мы тут ни при чём, так уж получилось.

— О чём спор? — спросил у Макара подошедший Шаман.

— Да всё о том же — о белом пальто. Что лучше — залить его кровью, лишь бы к нему не пристало ни капельки грязи, или залезть по горло в дерьмо, лишь бы крови на нём было поменьше. Сколько их знаю, они всегда об одном спорят. И никогда ни о чём не договорятся.

— В этот раз всё же придётся договориться, — сказал Шаман, — это о теории можно спорить бесконечно, а сейчас им надо будет принять очень конкретное решение. Практика — универсальный критерий, лучшего пробного камня люди ещё не придумали.

— А если они обе упрутся? — спросила Эмили. — Сколько нам придётся здесь торчать?

— Не думаю, что мы надолго здесь задержимся, — ответил Шаман, — что-то должно случится, всё к тому идёт.

— С чего ты так решил? — спросил Макар.

— Время пришло, — ответил Шаман, — вот скажи, когда, по-твоему, божественные близнецы спускались в Шибальбу?

Макар пожал плечами.

— Никто этого не знает. Как говорится — «в глубокой древности».

— Все знают, кто хоть немного в теме, — возразил Шаман, — близнецы были здесь тринадцать бактунов[18] назад. Точнее — в августе три тысячи сто четырнадцатого года до вашей эры. Предыдущий цикл истории Юкатана завершился пять тысячелетий назад. Завершился трагически — большим потопом, разрушившим прежнюю цивилизацию. После этого начался героический период переформатирования общества, изменения правил игры. Именно этим и занимались божественные близнецы. Но главное, в чём они преуспели — сокрушение Шибальбы. В следующем цикле у её владык уже не было власти над чистыми душами.

[18] Бактун — мера времени майя, равная 144 000 дням (394 годам).

— Это мы уже слышали, — перебил его Макар, — но мы-то тут при чём?

— Слышали, конечно, — согласился Шаман, — а ещё, наверняка, слышали, что последний период «длинного счёта» майя завершился в декабре две тысячи двенадцатого года…

— Ты хочешь сказать, что сейчас как раз идёт время между циклами? — догадалась Эмили.

— Именно. Время, когда кто-то должен в очередной раз обновить правила игры, привести их в соответствие с изменившейся ситуацией. И, похоже, кроме нас сделать это некому.

35

Эмили пристально посмотрела на Шамана.

— Если ты так точно знаешь время, может ты знаешь и место, где стоит дом владык Шибальбы?

— И да, и нет, — ответил Шаман.

— Как это может быть?

— Я не знаю, как найти его здесь, в Нижнем мире — здесь у пространства совсем другие свойства. Но я примерно знаю, где ближайшее к нему место на Юкатане.

— И где же?

— А сама не догадаешься?

Эмили на секунду задумалась.

— Кратер Чиксулуб?

— Именно. То самое место, куда шестьдесят шесть миллионов лет назад упал метеорит, завершивший длинный счёт динозавров.

Разговор прервал низкий рык, идущий откуда-то из-за холмов. Чертовка подскочила от неожиданности и в несколько прыжков оказалась у ближайшего валуна.

— Все сюда! — закричала она. — Встаньте у меня за спиной!

Друзья не заставили просить себя дважды. Рык повторился, на этот раз уже ближе.

— Кто это? — спросила Эмили.

— Кинич Ахау, — ответила Бестия, — бог-ягуар.

— Он опасен? Он может нас сожрать?

— Вряд ли. У него не так много времени. Вот разорвать и прикопать вполне может.

— Значит, он злой бог?

Чертовка удивлённо посмотрела на Эмили.

— А ты сомневалась? Это же Шибальба. Преисподняя. Добрые здесь не ходят. Последний раз благие появлялись здесь пять тысячелетий назад, и то ненадолго.

36

Кинич Ахау подошёл к валуну плавной походкой; казалось, он не идёт, а перетекает из одного положения в другое. Упругие мышцы так же плавно перекатывались под пятнистой шкурой. Ростом он был с крупного быка; в оставленный им след легко мог поместиться футбольный мяч. Или чья-то оторванная голова.

Кинич Ахау остановился в нескольких метрах от чертовки и издал низкий утробный рык. Бестия ответила что-то на незнакомом языке. Этот странный разговор продолжался не больше двух минут. С каждой репликой звуки становились всё громче и отрывистей. Наконец у Кузи не выдержали нервы. Она выхватила из ножен мачете и метнула его в ягуара. Лезвие рассекло шкуру на крупе, и мех тут же потемнел от крови. Кинич Ахау сделал шаг вперёд и угрожающе зарычал. Чертовка тоже взвыла в голос. Она подняла лапы, и на её ладонях вспыхнул огонь. Ягуар отступил, коротко рыкнул напоследок и исчез в зарослях сельвы. Бестия обессиленно опустилась на траву.

— Ты хоть понимаешь, что ты наделала? — спросила она Кузю.

Та упрямо набычилась.

— Я поразила зло! Разве не в этом миссия воинов света? И неважно, что урон небольшой; я сделала всё, что могла.

Чертовка криво усмехнулась.

— Ты поразила бога Солнца. Выражаясь вашим языком — спровоцировала внеплановую солнечную активность. Благодаря тебе, миллиарды людей несколько дней будут страдать от головной боли, а кто-то получит рак кожи. Достойный подвиг воина света!

— Но ты же говорила, что это бог-ягуар, злой бог Шибальбы! — растерянно сказала Кузя.

— Когда наверху день, Кинич Ахау проходит по небу, как солнце. А когда там ночь, он проходит по Шибальбе, как ягуар. Там он добрый, здесь злой — в Преисподней он просто не может быть иным.

— Ты хочешь сказать, что он един в двух лицах? — спросила Кузя.

— Конечно. Один его лик благ, другой злобен. А что тебя удивляет? Ты же принимаешь идею Троицы. А в Мезоамерике троичности предпочитают кватерность, здесь многие боги едины даже не в двух или трёх, но сразу в четырёх лицах.

37

Кузя замолчала, осознавая свалившуюся на неё вину. Эмили мгновенно всё поняла и поспешила увести разговор от больной темы.

— Подожди! — сказала она чертовке. — Солнце же не исчезает ночью в Подземном мире, оно в это время освещает другую сторону Земли!

— Не путай мокрое с мягким! — ответила Бестия. — Я же сто раз вам говорила, что в этом мире другая физика. Со своим временем и пространством, своей материей и своими законами.

— Тут не только физика, тут и этика совсем иная, — сказала Кузя, — в ней добро нельзя отделить от зла.

— Как раз это правило скорее универсальное, — возразила чертовка, — ни в одном из миров нельзя разделить полюса, распилив магнит пополам. Хотя ваши схоласты до сих пор спорят, как точнее определить середину магнита и наметить линию распила.

— И что ж нам теперь — сложить лапки и молча наблюдать, как зло завоёвывает наш мир?

— Я этого не говорила, — ответила чертовка, — дерись, пожалуйста — как велит совесть, пламенное сердце и чем ты там ещё руководствуешься. Но желательно при этом сопоставлять действия и их последствия. Полкан убивал людей, зная, что будет проклят — но такой ценой он спас город.[19] А чем ты помогла свету, ранив бога-ягуара? Стоит ли твоё чувство глубокого удовлетворения тех смертей, которые стали результатом твоего выбора?

— Но я же не знала! — воскликнула Кузя.

— Разумеется, — кивнула чертовка, — а как же иначе! Это же так удобно — ничего не знать! Тебе сейчас все чуть ли не хором твердят — нельзя убивать владык Шибальбы! Но ты же умнее всех, ты хочешь всё

[19] Эта история описана в первой книге цикла «Хтонь».

сделать по-своему. А потом, когда увидишь последствия, будешь рвать волосы и причитать: «но я же не знала»!

Кузя открыла было рот, но не стала ничего говорить.

— Что? — с интересом спросила чертовка. — Хотела сказать, что «это другое»?

— Но это же действительно другое.

Чертовка скривила рот в презрительной усмешке.

— Конечно, как и всегда. А если вдруг окажется, что это не так, то ты не виновата — «ты же не знала». Никто не виноват, просто «так получилось». Кто же мог предвидеть, что на дороге и в этот раз окажутся ваши любимые грабли!

— Какие грабли? — не поняла Кузя.

— Да всё те же, — ответила чертовка, — самое коварное искушение для белковых — желание одним махом построить новый мир, справедливый и добрый. А старый — в труху до основания. Потом, правда, быстро выясняется, что желанный новый мир, как обычно, не получился, и как-то выживать придётся на развалинах старого. Но цели-то были благими, а помыслы чистыми!

— Не дави! — огрызнулась Кузя. — Я не могу вот так сразу отказаться от всего, чему служила столько лет.

38

После каждой ссоры Кузя уединялась в особом месте на берегу реки, чтобы привести мысли в порядок. Никто не пытался её остановить; все понимали, что форсировать события бесполезно. Но понимали также и другое — отпущенное им время истекает.

— Надо что-то делать, — сказал Николай Бестии, — Кузе все твои слова — как об стенку горох.

— Да, — согласилась чертовка, — она считает, что её выборы логичны, хотя они насквозь идеологичны. Доводы тут бессильны; похоже, для неё пришло время встретиться со своим нагуалем.

— С кем? — не понял Макар.

— Нагуаль — священное животное, дух-покровитель, защищающий человека. Его мистический спутник во всех мирах.

— Как тотем?

— Можно сказать и так. Как тотем, только индивидуальный.

— А он есть у всех? И у меня тоже? — не отставал Макар.

— У всех, — подтвердила чертовка, — и почему-то мне кажется, что твой нагуаль — обезьяна.

Все рассмеялись, и Макар громче всех. Он воспринял слова Бестии как шутку. Но когда через час он заметил вдалеке чью-то фигуру, то не стал никому говорить о ней, решил разобраться сам. А вдруг это действительно был его нагуаль; тогда встреча с мистическим двойником должна стать интимнейшим делом.

Тёмная фигура что-то делала у самого края воды. Если идти по берегу вниз по течению, до неё можно было добраться минут за двадцать; но Макар решил сделать крюк и выйти к месту встречи из прибрежных зарослей. Идея оказалась не лучшей — поднятый им шум не мог остаться незамеченным. Но таинственная незнакомка не исчезла; выйдя из леса, Макар обнаружил её на том же месте.

Это была не обезьяна, как он ожидал. На него, улыбаясь, смотрела прекрасная молодая индианка. Она была полностью обнажена, но это её, похоже, совсем не смущало. Выстиранная одежда сушилась рядом на прибрежных камнях — длинное платье, расшитое красными узорами. В нём девушка наверняка выглядела потрясающе, но без него — ещё лучше. Она продолжала смотреть на Макара, не спеша расчесывая длинные волосы — как будто специально, чтобы небольшая грудь призывно колыхалась в такт плавным движениям. Макар невольно залюбовался ею. Он вспомнил рассказ Бестии про испанских капитанов, которые вешали самых красивых индианок, чтобы солдаты из-за них не поубивали друг друга.[20] Тогда он этому не поверил. А зря.

39

Стараясь не делать резких движений, Макар шагнул к девушке. Та рассмеялась и отступила назад. Макар сделал ещё шаг. Девушка подхватила свою одежду и побежала вдоль берега, смеясь и постоянно оглядываясь. Она умело вела своего преследователя — не позволяя ему ни приблизиться, ни отстать.

---

[20] «В том же селении и в другом, которое называют Верей, в двух лигах оттуда, они повесили двух индианок, одну девушку и другую, недавно вышедшую замуж, не за какую-либо вину, но потому, что они были очень красивыми, и опасались волнений из-за них в испанском лагере, и чтобы индейцы думали, что испанцам безразличны женщины». Диего де Ланда «Сообщение о делах в Юкатане».

Впереди уже показались холмы, когда что-то белое бросилось в ноги Макару. Он споткнулся, полетел вниз и с размаху ударился головой о камень. В глазах у него потемнело и сознание отключилось.

Когда он очнулся, вокруг были друзья. Эмили прижимала к его лбу что-то мокрое и холодное, остальные стояли рядом.

— Тут была девушка, — сказал Макар, приподнимая голову, — куда она убежала?

— В пещеру Вомвом, — ответила чертовка, — туда, куда хотела заманить тебя. И это, чтоб ты знал, вовсе не девушка. По крайней мере, не такая, с какими ты раньше имел дело. Это Сигуанава Штабай, здешний суккуб, заманивающий и убивающий. Тебе очень повезло, что твой нагуаль успел тебя выручить; без него у тебя не было шансов.

— Мой нагуаль? — не понял Макар. — Ты это о ком?

— О кролике, который бросился тебе под ноги.

— Так мой нагуаль кролик?

— Именно. Кролик Туль, любимый питомец богини Луны Иш-Чель. Известный обманщик, плут и сквернослов. Даже не знаю — тебе стоит радоваться этому или огорчаться.

— Кролик… — повторил Макар, — кто бы мог подумать….

— Не ожидал? — спросила Эмили. — А вот я почему-то совсем не удивлена.

В этот день, как и в предыдущий, Кузя и Бестия снова не смогли договориться. Вечером друзья разошлись по своим лёжкам — не слишком близким, чтобы не нарушать уединения, но и не слишком далёким, чтобы успеть прийти на помощь в случае опасности. Макар попытался обнять Эмили, но девушка остановила его.

— Скажи — она красивая?

— Кто? — Макар сделал вид, что не понял вопроса.

— Не тупи!

— Я правда не знаю. Она очень сексуальна; настолько, что внешность уже не важна. Но это убийственная сексуальность, такого и врагу не пожелаешь. Убивает в самом прямом смысле.

Эмили минуту молчала, потом спросила:

— Ты с ней… Ты до неё дотрагивался?

— Нет, конечно, — ответил Макар, — эта магия наиболее эффективна на определённой дистанции — не дальше, но и не ближе. Всё как в жизни.

— Ты хочешь сказать, что я подпустила тебя слишком близко?

Макар обнял подругу и притянул к себе.

— Ты исключение из правил. С тобой всё иначе.

Эмили довольно хмыкнула.

— Ты чего? — спросил Макар.

— Беська бы сейчас сказала: «Это другое».

При этом она так убедительно передала интонацию чертовки, что Макар не выдержал, и тоже зафыркал. Откуда-то из темноты раздался голос Кузи:

— Эй, молодёжь! Спать мешаете! Лучше делом займитесь.

Макар подавил смех, сунул руки под рубашку Эмили и занялся любимым делом.

Когда они проснулись, костёр уже горел; на самодельном вертеле чертовка обжаривала две крупные птичьи тушки. У огня собралась вся команда — запах жареного мяса действовал лучше любых призывов.

— Что это? — спросил Макар, глотая слюну.

— Чачалаки, — ответила чертовка, — здешние древесные куры.

Она мельком взглянула на растрёпанную Эмили и довольно оскалилась.

— Поздравляю, подруга! Ты уделала здешнего суккуба на его же поле, а таким подвигом немногие могут похвастаться.

40

Когда последние косточки чачалак были обглоданы, Кузя сказала:

— Я думаю, нам лучше разделиться. Идите к дому владык без меня, решайте свои вопросы с прорывом хтони, с потревоженной могилой Балама-Кице из дома Кавека и что вы там ещё хотели порешать. А когда закончите, встретимся где-нибудь на нейтральной территории.

— С ума сошла! — возмутился Николай. — Нам нельзя разделяться, здесь слишком опасно. Мы вчера чуть Макара не потеряли, забыла?

— Беся сказала, что у меня есть нагуаль, дух-хранитель. Он, если что, за мной присмотрит.

Николай посмотрел на чертовку, ожидая поддержки. Та пожала плечами.

— Пусть идёт, если хочет. Сомневаюсь, что ей удастся уйти далеко.

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожилась Кузя.

— Что мы пока никуда не пойдём, подождём тебя тут. А ты иди, конечно; здесь ты уже ничего не высидишь.

Спорить с чертовкой никто не стал. Все понимали, что попали в патовую ситуацию, из которой нет рационального выхода — только такой, поперёк здравого смысла. Кузя попрощалась с друзьями, обняла Николая и скрылась в сельве.

Далеко уйти она не успела, прорубаться сквозь густые заросли — та ещё работа. Добравшись до первой проплешины, Кузя села на ствол поваленного дерева, чтобы хоть немного отдышаться. Но ей не удалось насладиться даже краткой передышкой.

Трава на краю проплешины зашевелилась, и над ней поднялась змеиная голова песчаного цвета. Кузя вскрикнула и вскочила на ноги. Змея мгновенно исчезла в траве, как будто её и не было. Но она была, она точно была где-то рядом; взгляд Кузи метался взад-вперёд, пытаясь её найти. Внезапно на траву перед ней упала чья-то тень.

Кузя подняла глаза. Перед ней стоял пожилой мужчина с уродливым длинным носом. Выступающие вперёд зубы делали его похожим на крупного грызуна. Широкий лоб украшало отполированное обсидиановое зеркало. Но главное — у него за спиной были крылья. Непонятно, что это значило; крылатых в этом мире Кузя ещё не встречала.

Трава перед ней снова зашевелилась. Кузя посмотрела вниз и поняла, что крылья за спиной — это ещё не самое странное. И не самое страшное.

41

То, что она приняла за змею, оказалось ногой странного незнакомца. Вернее, наоборот — его правая нога оказалась настоящей змеёй, гигантским ядовитым бушмейстером. Кузя застыла, не в силах пошевелиться. Змея скользнула вперёд и трижды обвилась вокруг неё. Тупорылая голова с чёрными бусинками глаз стала медленно подниматься.

Когда голова бушмейстера оказалась на уровне лица Кузи, змея широко распахнула розовую пасть. Где-то далёко, в тёмной глубине глотки, блеснули чьи-то глаза. Кузя заорала в голос.

Происходящее напоминало дурной сон. Кто-то, пыхтя, пытался вылезти из змеи, которая оказалась ногой крылатого существа — это был перебор даже для Шибальбы. Кузя закрыла глаза, не в силах выносить этот ужас.

— Нагуаль! — прошептала она. — Нагуаль! Помоги!

Где-то в вышине раздалось несколько глухих хлопков, и хватка бушмейстера ослабла. Кузя открыла глаза. Перед ней двое крылатых кричали друг на друга на странном щёлкающем языке. Непонятный спор продолжался несколько минут; наконец змеиные кольца опали, и крылатый мужчина скрылся в сельве, волоча за собой свою ужасную ногу. Второй крылатый повернулся к Кузе, и она впервые увидела своего спасителя. Кузя не выдержала и снова закричала.

Перед ней был не ангел, как она легковерно понадеялась. Совсем наоборот; это была летучая мышь ростом с человека. Из раскрытой пасти торчали острые клыки — такие длинные, что было непонятно, как они помещаются у неё во рту. На носу красовался загнутый рог, огромные локаторы ушей постоянно подёргивались, сканируя пространство.

Но самыми ужасными были мёртвые глаза на внутренней стороне крыльев. Кузя невольно отшатнулась. Чудовище, почувствовав её страх, сложило крылья. С минуту они молча смотрели друг на друга. Затем мышь отступила в сторону, взмахнула гигантскими крыльями и растворилась в облачной дымке. Кузя опустилась на траву и закрыла глаза, вновь и вновь переживая страшные мгновения.

Лишь через полчаса, когда сердце перестало трепыхаться на грани срыва, она нашла в себе силы встать и побрела обратно к лагерю.

42

Рассказ Кузи ошеломил друзей; все молчали, не зная, как отнестись к сказанному. Наконец Макар не выдержал:

— А ты точно никаких листьев по пути не жевала?

Эмили тут же больно ткнула его ногой в икру.

— Заткнись!

Затем повернулась к чертовке.

— Ты знаешь, кто напал на Кузю?

Бестия закатила глаза.

— Дай-ка подумаю. Особые приметы какие-то невнятные — крылья, нога-змея…

— Не выпендривайся! — оборвал её Николай. — Для этого сейчас не самое удачное время.

— А! — чертовка хлопнула себя по лбу. — Вспомнила! Это Кавиль — демон, Высекающий молнии. Встреча с ним ничем хорошим не кончается. Кузе повезло, что нагуаль услышал её зов.

Кузя вздрогнула и сильней прижалась к Николаю.

— Это чудовище — мой нагуаль?!

Чертовка опустила углы большого рта, изображая сострадание.

— Увы. Твой нагуаль — Камасоц, летучая мышь с мёртвыми глазами на крыльях. Desmodus draculae, если быть точной.

— Я и представить такое не могла… — прошептала Кузя.

— Да ладно, — снисходительно сказала чертовка, — всё ведь логично. Ты попала в ловушку экзистенциального кризиса; разрываешься между формальным пониманием долга и голосом разума. Боишься принять догмат абсолютного добра, подозревая, к чему это может привести. И боишься сделать хотя бы шажок в сторону от него. Потому тебя и нашёл нагуаль, скитающийся между мирами.

— А что, Камасоц действительно летает между мирами? — спросила Кузя.

— Летает, — подтвердила чертовка, — с самого начала времён. Когда началась большая война между зверями и птицами, Камасоц хотел встать на сторону зверей. Но те прогнали его — потому что у него крылья, как у птицы, и он летает, как птица. Тогда Камасоц пошёл к птицам, но и они прогнали его — потому что у него шерсть, как у зверя, пенис, как у зверя, и мать выкормила его молоком, как зверя. С тех пор он не с этими и не с теми, так и летает один по срединным путям между мирами.

— Внимание, вопрос! — провозгласил Макар явно кого-то пародируя. — Кто ходит, как утка, крякает как утка, но не утка?

Кузя подобрала шишку таксодиума и швырнула её в Макара.

— Уймись! Это не обо мне. Уже не обо мне.

43

На следующий день чертовка повела команду к дому владык Шибальбы. Николаю казалось, что дойти до цели — дело нескольких часов,

надо просто пройти вдоль берега вверх по течению. Их сбросили с обрыва за полем для игры в мяч; река, сжатая с двух сторон высокими берегами, в этом месте неслась с бешеной скоростью. Но, пройдя каменные ворота, она разлилась вширь и течение сразу замедлилось. По всем подсчётам, они не могли провести в воде больше нескольких минут, иначе бы кто-то непременно захлебнулся. На отмель их вынесло очень вовремя.

Но чертовка сказала, что эти расчёты — типичная ошибка двухмерного мышления белковых. Река вынесла их на другой уровень Шибальбы, и возвращаться придётся кружным путём — через сельву. Все заметно приуныли; возвращение вновь откладывалось на неопределённый срок.

Чертовка пообещала, что через несколько километров сельва закончится и они выйдут к горной гряде. Но несколько километров тропического леса — это не пробежка по асфальту в кроссовках. Друзьям приходилось прорубать себе дорогу сквозь заросли, постоянно сменяя друг друга. Они потеряли счёт времени, когда, наконец, деревья расступились и перед ними выросла каменная стена. Между скалами виднелся обещанный проход, но на пути к нему оказалось неожиданное препятствие. Кузя тихонько ахнула, зажав рот; Эмили согнулась пополам, с шумом извергая съеденную с утра чачалаку.

Перед ними на каменном троне сидел разлагающийся мертвец. На его теле, прикрытом лишь набедренной повязкой, проступали чёрные трупные пятна. Вздутый живот свидетельствовал о ранней стадии разложения, но на черепе плоть уже расползлась, обнажая пожелтевшие кости. Глазницы были пусты, зато с браслетов и нагрудных кулонов на друзей смотрели десятки мёртвых глаз. Эти глаза были везде — даже на ушных вставках и набедренной повязке.

В высохших пальцах мертвец держал сигару, казавшуюся здесь совершенно неуместной. Макар уставился на неё, ему даже показалось, что он видит лёгкий дымок. Он сморгнул и в ужасе отшатнулся — мертвец с глухим щелчком согнул руку, поднёс сигару к безгубому рту и глубоко затянулся.

— Зомби! — закричал Макар.

Он шагнул назад и упал бы, если б Шаман не поддержал его. Чертовка выступила вперёд.

— Приветствую тебя, Юм Чимил, владыка смерти! Мы идём к дому владык Шибальбы. Разреши нам пройти этой дорогой.

Мертвец медленно повернул к ней пустые глазницы.

— Не все могут пройти этим путём. Если вы отгадаете мои загадки, я пропущу вас. Если нет — останетесь здесь навсегда.

44

Николай наклонился к уху чертовки.

— Мы должны это делать? Может, проще отрубить его гнилую голову?

— Нам придётся принять его условия, — так же тихо ответила чертовка, — это место его власти.

— Хорошо, — обратился к мертвецу Николай, — загадывай свои загадки. Мы готовы.

Юм Чимил снова затянулся — так глубоко, что сизый дым просочился через пустые глазницы. Чёрный моррокой, хлопая крыльями, опустился на спинку трона за его плечом.

— Вот моя первая загадка, — сказал мертвец, — почему солнце ходит по небу днём, а месяц — ночью?

Бестия открыла пасть, чтобы ответить, но Юм Чимил поднял руку, останавливая её.

— Не ты! Пусть говорят они.

Чертовка послушно отступила. Николай оглядел друзей, но все только пожимали плечами.

— Скажите хоть что-нибудь! — попросила чертовка. — Будете молчать — останетесь здесь навсегда!

— Они поссорились? — предположила Эмили. — И теперь не хотят видеть друг друга?

Моррокой хрипло каркнул. Мертвец кивнул и опять затянулся.

— Правильно, — сказал он, — тогда вот моя вторая загадка. Почему солнце и месяц до сих пор не могут помириться?

И снова никто не знал отгадки. Эмили вдруг почувствовала, что все смотрят на неё, ожидая ответа. Она кашлянула, прочищая горло, и неуверенно сказала:

— Должно быть, солнцу очень обидно. Ему приходится весь день смотреть, как люди занимаются разными скучными делами. А месяц всю ночь смотрит, как люди занимаются любовью.

Макар хотел добавить, что они-то как раз не обижают солнце — слишком часто им приходится работать по ночам. А заниматься любовью

днём получается даже чаще, чем ночью. Но вовремя спохватился и прикусил язык.

Моррокой каркнул дважды. Мертвец снова кивнул и глубоко затянулся.

— Ты опять угадала, юная странница. Осталась последняя загадка.

45

Юм Чимил медленно поднял руку, указывая на дерево, усыпанное сиреневыми цветами.

— Сорви цветок жакаранды и принеси его мне!

Эмили шагнула к дереву и замерла на месте — Бестия корчила ей страшные рожи и даже чуть заметно помотала головой. Эмили беспомощно посмотрела на друзей, не зная, как поступить.

— Тебе нельзя этого делать! — догадалась Кузя. — Срывание цветка — это символическая де-флорация. Де, мать его, флорация! Если ты отдашь цветок мертвецу, то станешь его женой и останешься в его царстве навеки.[21]

Эмили повернулась к мертвецу и твёрдо сказала:

— Ты всё слышал! Это наш ответ!

Моррокой каркнул трижды. Юм Чимил молча затянулся, как будто обдумывая услышанное. Мёртвые глаза на его украшениях моргнули и вновь остекленели.

— Я всё равно не выпущу вас! — сказал он наконец.

— Это несправедливо! — начал было Макар.

Но тут же умолк, поняв, что спорить с владыкой смерти бесполезно. Все с надеждой уставились на чертовку. Та задрала морду вверх и позвала:

---

[21] «в Дрезденском кодексе есть сцены, в которых различные боги «получают цветок», что является древней метафорой для вступления в брак. На с.12 «получают цветок» К'ук'улькан, Хо-Ицам-Тун и К'инич-Ахау. Они держат в руках иероглифический знак NIKTE («цветок»), и каждый брак сопровождается предсказанием: вступление в брак К'ук'улькана – к блестящему владычеству, Хо-Ицам-Туна – к изобилию, а Бога Солнца К'инич-Ахау – к засухе. На с.15 цветок получает Бог Смерти, и его вступление в брак предзнаменует смерть и мертвецов». Хохрякова С.А. «Мифология майя и ацтеков. Сверхъестественные существа и боги».
«Есть несколько текстов песнопений майя Юкатана, которые так и именуются *Кай-Никте,* или «Получение цветка», и посвящены обряду вступления в брак». Ершова Г.Г. «Мифы майя. От жертвоприношений и священного какао до книги «Пополь-Вух» и подземного царства Шибальбы».

— Кукумац!

— Он не придёт, — сказал Юм Чимил, — существам из верхнего мира здесь нет места.

— Кукумац! — повторила чертовка, не обращая внимания на его слова. — Кукумац!

В ту же секунду площадку перед каменным троном залило мягким зелёным светом, а через миг на неё бесшумно опустился Пернатый Змей. Он был прекрасен; друзья смотрели на него, не в силах оторвать взгляд. Перья кецаля на гибком теле Змея казались изумрудными пластинками, причудливо отражающими и преломляющими приглушённый свет Нижнего мира. Огромные немигающие глаза уставились на владыку смерти.

— Юм Чимил! — произнёс Кукумац низким голосом. — Эти смертные выполнили твои условия. Ты должен отпустить их.

Мертвец не ответил, лишь махнул высохшей рукой и отвернулся. Чертовка что-то сказала Змею, и тот бесшумно взмыл в облака. Не теряя времени, друзья бросили к проходу в горах.

46

Дорога между скал привела их в пальмовую рощу, за которой виднелось знакомое поле для игры в мяч. Чертовка, идущая во главе группы, остановилась.

— Дальше без меня. Надеюсь, вы знаете, что делать.

— Ты нас бросаешь? — спросила Эмили. — Почему?

— Региональные разборки, — пояснила чертовка, — мне лучше не встречаться с владыками Шибальбы. Но когда вы закончите, я буду ждать вас на перекрёстке под сине-зелёной сейбой.

Друзья прошли мимо дома владык и вышли на площадку с тремя скамьями, где начались их испытания. Увидев своих гостей живыми и невредимыми, владыки пали перед ними ниц.

— Они умерли и воскресли! — воскликнул Кучумакик.

— Они прошли через царство смерти, и Юм Чимил выпустил их из своих владений! — воскликнул Шикирипат.

— Умерли, говоришь? — спросил Николай ледяным тоном. — Нет, владыка, мы не умерли. Мы были убиты. Вами.

— Пощади! — взмолился Кучумакик. — Проси, что хочешь!

— Вы помните, что произошло здесь пять тысячелетий назад? — спросил Николай.

Владыки дружно закивали. Чамиабак, жезлоносец Шибальбы, поднял голову.

— Божественные близнецы Хун-Ахпу и Шбаланке спустились сюда и сокрушили Шибальбу. Они убили наших вождей — Хуна-Каме и Вукуба-Каме, а остальных владык обратили в бегство. Мы скрылись в ущелье, но оттуда нас прогнали муравьи. После этого нам пришлось заключить новый договор с божественными близнецами. Они лишили нас прежнего могущества; мы потеряли власть над детьми света. В нашей власти остались лишь грешники — убийцы, предатели, любители пороков, искатели раздоров и носители печалей.

— Именно так, — подтвердил Николай, — но с тех пор прошло пять тысячелетий. Прежний период «длинного счёта» завершился, грядёт новый цикл. А значит, настало время для нового договора.

— Мы слушаем тебя, умерший и воскресший, — сказал Кучумакик, — скажи, чего вы хотите?

— Мы не будем никого убивать, — ответил Николай, — но мы снова ограничим вашу власть. Список грешников, которые вам подвластны, слишком велик; очень многих придётся из него исключить. Предатели, убийцы и насильники останутся вашими, а остальные…

Он жестом подозвал Кузю.

— Леди Анна-Луиза скажет тебе, какие грехи отныне не будут считаться грехами. Властью, данной нам смертью и воскрешением, мы снимаем вину с этих грешников.

47

Кузя присела на корточки перед простёртым на земле Кучумакиком и стало негромко перечислять то, над чем Шибальба теряла власть. Эмили подошла к деревянным куклам на первой скамье и столкнула их на землю.

— Зачем они здесь?! Вы хотите и дальше убивать путников, вся вина которых лишь в том, что они пришли сюда в неподходящее время? Сожгите этих болванов!

Чамиахолом вскочил с земли, подхватил деревянных кукол и прижал их к груди. Куклы вспыхнули и опали вниз грудой алых угольков. Макар подошёл к Кузе.

— И не забудь благословить странников.

— Что? — не поняла та.

— Лиши власти Патана и Шика, демонов дорог. Пусть отныне их руки не настигнут путников.

— Хорошо, — кивнула Кузя и продолжила диктовать свой список.

Николай отвёл Макара в сторону и спросил шёпотом:

— Что ты задумал?

— Хочу узнать, куда же ведёт жёлтая дорога.

— Не глупи! Нам надо как можно скорее убираться отсюда, здесь слишком опасно.

Макар усмехнулся.

— А до этого, значит, тут было безопасно?

— До этого мы выполняли свою работу, и тогда риск был оправдан. Но сейчас ты хочешь ради удовлетворения своего любопытства подвергнуть опасности всех нас.

— Я пойду один, — упрямо сказал Макар, — а потом вас догоню.

— Ага, так мы тебя одного и отпустим, — вмешался Шаман.

Эмили тоже отошла от распростёртых на земле владык и присоединилась к друзьям.

— Полкан, вспомни, что было на странице в алтаре Туринского храма. Возможно, желтая дорога — тоже часть нашей работы. Вряд ли этот листок попал туда случайно.

— Ну, возможно, — нехотя согласился Николай.

Кузя наконец закончила перечислять грехи, с которых снималась вина, и выпрямилась.

— Я готова.

— Мы уходим, — объявил Николай владыкам Шибальбы, — помните же, что здесь произошло. Начинается новый период «длинного счёта», и наши миры вступят в новый цикл с новым договором.

48

Бестия встретила друзей на перекрёстке под сине-зелёной сейбой. Узнав, что они решили идти по жёлтой дороге, чертовка даже не удивилась. Лишь молча повела мохнатыми плечами — белковые, что с них взять.

Макар не стал терять времени и сразу свернул с чёрной дороги на жёлтую. Первые часы друзья шли бодро, наперебой обсуждая пережитое. Потом шли молча, всё медленнее и медленнее. Макар потерял счёт времени; чтоб не сбиться с ритма, он начал чуть слышно бормотать себе под нос:

— Я — шёл — сквозь — Ад — шесть недель, и я клянусь, — Там — нет — ни — тьмы — ни жаровен, ни чертей…[22]

— Но-но! — прикрикнула на него чертовка. — Не переходи на личности!

— Извини, — сказал Макар, — как-то само вырвалось.

В молчании друзья преодолели ещё несколько километров.

— Вы видите это? — внезапно спросила Кузя.

Макар, последние часы смотревший лишь себе под ноги, поднял голову. Вдалеке над жёлтой дорогой можно было различить чуть заметное зелёное сияние.

— Изумрудный город, — прошептала Эмили, — он всё-таки там…

С каждым шагом сияние становилось ярче. Друзья пошли быстрее и вскоре перед ними открылась широкая равнина. Здесь кончалась жёлтая дорога и начиналось каменное плато, усыпанное чем-то зелёным и сверкающим.

— Сомневаюсь, что это стекло, — сказал Макар.

Никто не стал с ним спорить. Друзья подошли ближе и смогли, наконец, рассмотреть это странное место. Два десятка каменных наковален располагались вокруг скалы со срезанной вершиной. К каждой наковальне был прикован индеец — ржавая цепь тянулась от вбитого в камень штыря к щиколотке. Молотки и медные зубила в руках узников безошибочно указывали на их профессию — резчики по камню, огранщики изумрудов. Не обращая внимания на пришельцев, они продолжали заниматься своим делом.

А на вершине центральной скалы, сверкая полированными гранями, стоял огромный изумруд.

— Это он? — шёпотом спросила Кузя.

— Да, — ответила Бестия, — это тот самый камень из короны Светоносного.

---

[22] «Пыль» Р. Киплинг.

— Но ты же говорила, что он наверху, в Манте?[23]

— Был наверху, пока не пришли испанцы. Но когда они стали искать священный камень, Манта опустилась под землю. Как ваш Китеж-град — только вот озера поблизости не оказалось.

49

Макар рванулся вперёд, бесцеремонно отобрал у ближайшего резчика его инструменты и присел на корточки. Положил перед собой ржавую цепь и приставил зубило к самому тонкому звену.

— Хочешь индейской медью пробить испанское железо? — спросила Кузя.

— Это уже не железо, за пятьсот лет тут всё насквозь проржавело, — ответил Макар.

Он размахнулся и ударил молотком по зубилу. Истончённый фрагмент звена рассыпался ржавой пылью. Освобождённый резчик равнодушно взглянул на обрывок цепи, забрал у Макара свои инструменты и продолжил работу. Макар двинулся к следующей наковальне, но Николай схватил его за рукав.

— Что ты делаешь?

— Не думала, что когда-нибудь скажу такое, — вмешалась чертовка, — но сейчас Макар поступает правильно. Этим мастерам не место в Шибальбе. Если у них и были какие-то грехи, они давно искуплены.

— Ты выведешь их отсюда? — спросил Николай.

Чертовка покачала головой.

— Не я. Кукумац.

---

[23] «А в других частях, как я расскажу в этой истории, и в этой области, утверждают, что у правителя [селения] Манта [Manta] есть или был один изумруд, величины огромной и очень дорогой, который его предки очень любили и почитали. В определённые дни они выставляли его на [всеобщее] обозрение, поклонялись ему и почитали его, как если бы в нем пребывало некое божество. А если какому-либо индейцу или индианке становилось плохо, [то] после совершения своих жертвоприношений, они шли с обращением [молитвой] к камню, которому, утверждают, они совершали подношение из других камней…
И говорят, что этот камень такой большой и такой дорогой, что они никогда не хотели говорить о нем, правителям и начальникам даже изрядно угрожали, и то они не скажут никогда, во что они верят, даже если их убьют всех, — таким было благоговение перед камнем...
они обнаружили такое количество изумрудов, что если бы они их узнали и сохранили, то по стоимости это была бы огромная сумма денег». Сьеса де Леон Педро «Хроника Перу».

Макар тем временем уже освобождал следующего узника. Шаман последовал его примеру, к ним присоединились Кузя с Эмили. Вчетвером они быстро справились со своей задачей. Чертовка собрала освобождённых индейцев у центральной скалы, задрала морду вверх и позвала:

— Кукумац! Кукумац!

На плато бесшумно опустился крылатый Змей в изумрудных перьях кецаля. Индейцы благоговейно склонились перед Великим Отцом. Чертовка что-то сказала Кукумацу; Змей расправил крылья и укутал ими потерянных детей своего народа. Когда он взлетел, на плато не осталось ни одного индейца; только обрывки ржавых цепей напоминали о том, что здесь когда-то работали резчики.

Макар, наконец, смог расслабиться — дело было сделано. Он взглянул вниз и восхищённо замер. Каменная поверхность была усеяна изумрудами — большими и маленькими, огранёнными и ещё не тронутыми резцом мастера. Макар наклонился, поднял небольшой прямоугольный камень-октагон с отполированными гранями и протянул его Эмили.

— Это тебе. Как и обещал.

Эмили взяла подарок, повертела его в руках, любуясь игрой отражений, и вздохнула.

— Спасибо. Он прекрасен. Жаль, что его нельзя забрать отсюда.

— Зато какой красивый жест! — сказала Кузя, выразительно посмотрев на Николая.

Тот только развёл руками — ну, извини, не догадался.

Макар положил руки на плечи Эмили.

— Главное — он у тебя был. И ты больше не сможешь сказать, что тебе никто не дарил изумрудов.

50

Как только друзья выбрались на поверхность, Макар первым делом попытался выйти в интернет. Несколько раз с силой надавил на кнопку включения, но всё напрасно — то ли плавание по реке не прошло для телефона бесследно, то ли просто разрядился аккумулятор. Чертовка выразительно хмыкнула.

— Наш enfant terrible,[24] похоже, мечтает поскорей подключить мозг к интернету и снова стать ботаном-всезнайкой.

— Отстань! — огрызнулся Макар. — Я просто хотел узнать, как разрешилась ситуация с могилой Балама-Кице из дома Кавека.

— Так спросил бы меня, — сказала чертовка, — словами через рот. Или вам уже недоступна радость простого нечеловеческого общения?

Она сунула лапу подмышку, пошуровала там и достала свежий номер «Prensa Libre».[25] Развернула газету и прочитала:

— «Дорожный департамент Текулутана отказался от первоначального плана спрямления трассы CA9. Принято решение отремонтировать аварийный участок».

— Я так и думал, — сказал Макар, — значит, и этот прорыв мы купировали.

Чертовка улыбнулась во всю пасть.

— Вот и ладушки. Если даже у Макара думалка подключилась, то дальше справитесь без меня. Пока-пока, целоваться не будем.

Она махнула на прощанье газетой и растворилась в воздухе, но через минуту вновь появилась перед друзьями.

— Совсем забыла! Кузе, надеюсь, про летучих мышей говорить не надо; но тебе, Макар, настоятельно советую никогда больше не есть крольчатину. Поверь, ничем хорошим это не кончится. Вот теперь точно всё.

И она вновь исчезла. Николай посмотрел на Кузю; всю дорогу от изумрудной долины она молчала, глядя себе под ноги. Он осторожно взял девушку за локоть.

— Не переживай, Кузнечик. Ты хоть понимаешь, что своим списком ты реально уменьшила количество ненависти в этом мире? И, соответственно, увеличила количество добра — как ты и хотела.

— Всё я понимаю, — ответила Кузя, — но только, боюсь, ангелы этого не поймут. У них же как: «Живи по уставу — завоюешь честь и славу». «Делай, что должно, а после хоть потоп». Действуй по инструкции — будешь в шоколаде, независимо от результата. И никого не волнует, что порой этот шоколад пахнет отнюдь не зёрнами какао.

— Но у тебя же всё вышло наилучшим образом, — возразил Николай.

---

[24] Ужасный ребёнок (франц.)

[25] «Свободная пресса» (исп.), ведущее печатное издание Гватемалы.

— Вот как раз на это в Элизиуме всем наплевать. Мы отступили от протокола, а значит, у нас будут проблемы. В небесной канцелярии могут решить, что мы с Шаманом предатели, и выгнать нас из небесного воинства.

— Подумаешь, трагедия! — вмешался Макар. — Если что, я знаю одну прекрасную команду, в которой вам будут очень рады.

2026